

Українській Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсяннико-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

18-го Іюня 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 5

Редакція № закончена 16 іюня

Жаши требованія.

Читателю, познакомившемуся съ содержаніемъ предшествующихъ статей *), извѣстно, что разрѣшеніе украинскаго вопроса мы не выдѣляемъ изъ болѣе общаго вопроса о переустройствѣ государства на началахъ равноправія народностей и областей и національно-территориальной автономіи, считая разрѣшеніе этого вопроса составною, интегральною частью въ проблемѣ обращенія Россіи въ правомѣрное и благоустроенное государство. Не признавая подраздѣленія народностей на „зрѣлыя“ и „незрѣлыя“, а національные вопросы,—на настоятельные и ненастоятельные, долженствующіе обостриться прежде, чѣмъ приступать къ ихъ разрѣшенію, мы считаемъ ближайшею задачею парламента Россіи, въ связи съ обезпеченіемъ личныхъ правъ гражданина и организаціею мѣстнаго самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ,—установленіе общеимперскими законами общихъ принциповъ обезпеченія національнаго самоопредѣленія и національно-территориальнаго и областного самоуправления. Мы считаемъ это необходимымъ и потому, что вопросы, выдвинутые на первую очередь, для своего успѣшнаго разрѣшенія, требуютъ выясненія этихъ принциповъ и установленія общихъ основаній ихъ разрѣшенія и, такимъ образомъ, выдвигаютъ ихъ на очередь вслѣдъ за собою; такъ, напримѣръ, разрѣшеніе аграрнаго вопроса близко

*) „Національный вопросъ и автономія“ въ I книжкѣ, „Единство или распаденіе“ въ III, „О зрѣлости и незрѣлости“ въ IV и др.

затрагиваетъ вопросы областного самоуправленія, вопросъ о національномъ равноправіи тѣсно связанъ съ обезпеченіемъ національнаго самоопредѣленія и нестѣсняемаго національнаго развитія, организація мѣстнаго самоуправления— съ самоуправленіемъ областнымъ и національно-территориальнымъ. Считаемо неотложнымъ также и потому, что отодвиганіе на задній, далекій планъ разрѣшенія національнаго вопроса не можетъ не вызвать среди угнетенныхъ народностей Россіи, составляющихъ большинство ея населенія, безпокойства и недовольства, грозящихъ нарушить тѣсное единеніе областей и народностей въ борьбѣ съ общимъ врагомъ и напряженіе ихъ энергіи въ творческой работѣ надъ созданіемъ новаго политическаго, экономическаго и общественнаго строя.

Какъ во всемъ этомъ творческомъ процессѣ, такъ и въ устройствѣ національныхъ и областныхъ отношеній, мы считаемъ нужнымъ исходить изъ современнаго положенія вещей, изъ реальныхъ потребностей населенія, а не изъ историческихъ актовъ и справокъ. Необходимо смотрѣть не назадъ, а впередъ, не учитывать старые счета, а закладывать основанія будущаго сосуществованія и развитія. Национальный вопросъ долженъ рѣшаться не на основаніи археографическихъ источниковъ, принциповъ давности, или искусственно созданныхъ условій преобладанія, а на реальныхъ фактахъ настоящаго и въ духѣ истиннаго демократизма, въ интересахъ народныхъ массъ, населяющихъ области и территоріи, и не только ихъ большинства, но и меньшинства, которое должно быть охранено отъ централизма, какъ провинціального, такъ точно и общегосударственнаго. Поэтому и въ разрѣшеніи украинскаго вопроса мы будемъ исходить не изъ „историческихъ правъ“, какимъ является актъ добровольнаго присоединенія Украины къ Россіи, создавшій отношенія личной уніи между ними въ однѣхъ сторонахъ политической жизни и отношенія федеративныя въ другихъ,

и насильственно отмѣненный русскимъ правительствомъ вопреки ясно выраженнымъ желаніямъ и протестамъ украинскаго народа, не перестававшаго, до полного подавленія политической жизни, требовать возстановленія этихъ „статей Богдана Хмѣльницкаго“ какъ конституціонной хартіи Украины. Мы исходимъ прежде всего изъ того факта, что украинскій народъ, около $\frac{5}{6}$ котораго (въ числѣ свыше 25 миллионовъ), занимаетъ въ Россіи сплошную территорію съ ясно выраженными этнографическими границами,—по своимъ психофизическимъ свойствамъ, по исторически сложившимся особенностямъ своего частнаго и общественнаго быта, по складу экономическихъ отношеній, по культурнымъ и общественнымъ традиціямъ, представляетъ вполнѣ опредѣленную этнографическую и національную особь, которая въ новомъ строѣ демократизированной, на началахъ равенства и нестѣсненности перестроенной Россіи, должна найти благопріятныя условія для своего культурнаго и общественнаго развитія и національнаго самоопредѣленія, а широкое самоуправленіе ея этнографической территоріи должно обезпечить успѣшное развитіе экономическихъ силъ населенія и обратить ихъ на его пользу, на удовлетвореніе его культурныхъ и экономическихъ нуждъ, устранивъ эксплуатацію для цѣлей чуждыхъ его культурной и экономической жизни.

Вѣрные завѣтамъ украинскаго освободительнаго движенія, выдвинувшаго федеративный принципъ, какъ основаніе будущаго устроенія отношеній политическихъ и національныхъ, и неизмѣнно проводившаго его, начиная съ т. н. кирилло-меѳодіевскаго братства, мы признаемъ федеративныя формы наиболѣе совершеннымъ способомъ сочетанія государственнаго союза съ интересами свободнаго и нестѣсненнаго развитія національной и общественной жизни, но въ настоящемъ настаиваемъ на осуществленіи принципа національно-территориальной автономіи, какъ одного изъ основаній новаго государственнаго устройства. Сообразно этому территорія

съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ должна быть выдѣлена изъ нынѣшнихъ административныхъ подраздѣлений и наряду съ преобразованиемъ органовъ мѣстнаго самоуправления на широкихъ демократическихъ началахъ должна получить общіе органы областного законодательства и самоуправления, руководимые народнымъ представительствомъ въ видѣ украинскаго сейма, избираемаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Такъ какъ установленіе границъ возможно точно совпадающихъ съ національнымъ составомъ населенія, должно потребовать нѣкотораго времени, то общеимперскій законъ, реформирующій организацію мѣстнаго самоуправления, чтобы не тормозить деталями рѣшенія этого вопроса, можетъ ограничиться принципиальнымъ постановленіемъ объ измѣненіи границъ существующихъ административныхъ подраздѣлений сообразно этнографическому составу населенія (а внутри этнографической территоріи сообразно экономическимъ условіямъ и удобствамъ сообщенія), и срокъ, когда должно войти въ силу новое административное дѣленіе.

Организація областного украинскаго сейма и связанныхъ съ нимъ органовъ управленія и контроля съ широкими полномочіями въ мѣстномъ законодательствѣ, въ распоряженіи мѣстными финансами и областнымъ земельнымъ фондомъ, въ мѣстномъ управленіи, въ организаціи просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, общественной безопасности и средствъ экономическаго развитія,—по аналогіи другихъ наиболѣе крупныхъ автономныхъ организацій Россіи, должна послѣдовать одновременно съ ними, и по аналогіи съ ними должны быть опредѣлены предѣлы полномочій областного сейма и его органовъ, съ одной стороны, и центрального парламента и общеимперскихъ министерствъ—съ другой. Предоставивъ центральнымъ органамъ нормированіе общихъ основаній государственнаго и общественнаго строя, распоряженіе средствами, необходимыми для содержанія органовъ центрального и общеимперскаго провинціального управленія (а также и въ тѣхъ от-

расляхъ, которыя въ интересахъ государственнаго союза и лучшей своей организациі останутся въ вѣдѣніи общеимперскихъ министерствъ), равно какъ и управленіе въ этихъ сферахъ—общеимперская конституція должна оставить органамъ мѣстнымъ широкую область устройства и нормированія мѣстныхъ отношеній, съ правомъ законодательной и всякой иной инициативы по отношенію къ органамъ центральнымъ, обезпечить такой порядокъ, при которомъ экономическія средства края, за исключеніемъ справедливаго участія въ общегосударственныхъ издержкахъ, обращались бы на удовлетвореніе потребностей мѣстной культурной и экономической жизни, и освободить теченіе и развитіе мѣстной жизни отъ давленія централизма.

Спеціальными законами должна быть устранена всякая централизація и въ области церковнаго управленія, а также искусственная перетасовка этнографическихъ элементовъ въ арміи, и созданы такія условія, чтобы отбываніе военной службы происходило какъ можно ближе къ родинѣ или къ мѣстопребыванію солдатъ, а не въ далекихъ краяхъ, въ совершенно чуждыхъ климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ.

Съ другой стороны, спеціальными общеимперскими законами должны быть установлены права, которыми пользуются языки и нарѣчія государственныя въ учрежденіяхъ, находящихся въ вѣдѣніи общеимперскихъ министерствъ, а также обезпечены права національностей, находящихся на извѣстной территоріи въ меньшинствѣ, по отношенію къ учрежденіямъ общимъ и мѣстнымъ, и указаны нормы, гарантирующія имъ возможность нестѣсняемаго существованія и осуществленія своихъ національныхъ и культурныхъ запросовъ. Въ первую очередь въ разрѣшеніи этого вопроса должно быть поставлено введеніе народныхъ языковъ, въ томъ числѣ и украинскаго среди украинскаго населенія, въ народную школу, какъ языка преподаванія, а въ школу среднюю и высшую украинскихъ дисциплинъ, какъ предметовъ

преподаванія, принятіє мѣръ къ тому, чтобы не было недостатка въ учителяхъ народныхъ школъ, которые могли бы вести преподаваніе на украинскомъ языкѣ, а въ различныхъ учрежденіяхъ украинской территоріи — чиновниковъ, владѣющихъ этимъ языкомъ для сношенія на немъ съ мѣстнымъ населеніемъ; признаніе всѣхъ правъ украинскаго языка, съ сохраненіемъ за русскимъ значенія языка общегосударственнаго, и скорѣйшее проведеніе его, по мѣрѣ устраненія чисто-техническихъ трудностей, въ практику органовъ мѣстнаго управленія и всякаго рода учреждений, остающихся въ вѣдѣніи органовъ центральнаго правительства; наконецъ, устраненіе всякихъ ограниченій, стѣсняющихъ пользованіе своимъ роднымъ языкомъ во всѣхъ сферахъ культурной и общественной жизни.

Высказывая эти наши требованія, мы питаемъ твердую увѣренность, что скорѣйшее осуществленіе ихъ дастъ украинскимъ областямъ Россіи возможность возстановить правильное развитіе своей жизни, подавленное централистическою политикою стараго режима, и подняться изъ культурнаго, общественнаго и экономическаго упадка, къ которому онѣ были приведены системою преслѣдованій національной и общественной жизни и всѣхъ проявленій ихъ національныхъ особенностей. Въ старомъ порядкѣ украинскія земли служили крупнымъ источникомъ государственнаго бюджета, а сами были обречены на полное захуданіе, не получая взамѣнъ самыхъ элементарныхъ средствъ къ подъему экономическаго благосостоянія населенія, охраненію народнаго здравія, распространенію просвѣщенія и культурнаго подъема населенія: нашъ народъ, организовавшій нѣкогда изъ своихъ убогихъ средствъ систему школъ и покрывшій свою территорію ихъ сѣтью уничтоженной, но не замѣненной ничѣмъ лучшимъ во время бюрократическаго режима; народъ, послужившій нѣкогда проводникомъ культуры и просвѣщенія для государственной народности, — безконечно отсталъ затѣмъ отъ

нея благодаря попеченіямъ того же режима, осудившаго его на безпросвѣтную тьму; населеніе, поражавшее своимъ общественнымъ и гражданскимъ развитіемъ, культурностью, богатými задатками въ различныхъ областяхъ творчества, приведено было въ состояніе полного застоя, ослабленія всякихъ общественныхъ и культурныхъ инстинктовъ. Обеспеченіе въ новомъ строѣ Россіи нестѣсненнаго экономическаго и культурнаго движенія всесторонняго національнаго развитія при широкой автономіи и самоуправленіи въ духѣ полной демократизаціи дастъ Украинѣ возможность выйти изъ этого тяжелаго состоянія и, изгладивъ горькія воспоминанія о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ старою системою, свяжетъ украинскій народъ и украинскія земли въ крѣпкій союзъ съ другими народностями и областями Россіи и послужитъ залогомъ его прочности, невозможной безъ удовлетворенія стремленія народностей и областей къ свободному и успешному развитію своей мѣстной жизни.

Въ интересахъ всего союза и его составныхъ частей, въ интересахъ успешнаго разрѣшенія великихъ задачъ, поставленныхъ освободительнымъ движеніемъ Россіи, и дружной работы ея областей и народовъ въ ихъ осуществленіи, эта національная областная программа, которую мы поставили здѣсь, какъ постулатъ украинства, въ неразрывной связи съ перестройкой всей Россіи на началахъ національной равноправности и областной автономіи, должна быть осуществлена—и осуществлена безотлагательно.

Проф. М. Грушевскій.

Что такое національность?

III.

Національність и сфера чувствованій.

Въ человѣческой психикѣ есть не мало такихъ „пунктовъ“, вокругъ которыхъ особливо—легко и часто закипаютъ различныя чувства и воспламеняются страсти. Къ числу такихъ „пунктовъ“ принадлежитъ, къ сожалѣнію, и *національность*.

Тутъ мы подходимъ къ вопросу, въ которомъ царитъ величайшая путаница, и гдѣ вступаютъ въ силу многочисленныя иллюзіи. Эту путаницу необходимо распутать, эти иллюзіи нужно разсѣять,—и нѣтъ надобности доказывать, что это трудное предпріятіе, если оно увѣнчается успѣхомъ, должно получить не только теоретическое, но и несомнѣнное практическое значеніе.

Обыкновенно думаютъ, что національныя отличія являются причиною раздоровъ и вражды не менѣе, напр., религіозныхъ разногласій, политическихъ столкновеній, классовыхъ интересовъ. Нельзя ожидать, что такъ это, дѣйствительно, бываетъ иногда, можетъ быть, нерѣдко. Но всегда и вездѣ эти національныя распри находились въ тѣсной связи съ борьбой политической, религіозной, соціальной. Мы видимъ, что тамъ, гдѣ затихаетъ религіозная вражда, гдѣ устраняются политическія или классовыя причины раздора,—тамъ національность перестаетъ съ теченіемъ времени возбуждать враждебныя чувства, и національныя антипатіи замиряются либо безразличнымъ отношеніемъ, либо даже —

симпатіями.—Послѣ франко-прусской войны вражда и взаимное національное отвращеніе между французами и нѣмцами возгорѣлись съ ужающей силою. Но, спрашивается, не виновата ли въ этомъ война, которая возникла вовсе не въ силу національныхъ отличій, а по другой стороны, развѣ не было въ исторіи принциповъ ожесточенной вражды или упрямой антипатіи между населеніемъ, принадлежащимъ къ одной и той же національной формѣ, но раздѣленнымъ политически. Люди враждуютъ и стремятся истреблять другъ друга, когда сталкиваются ихъ интересы, дѣйствительные или мнимые,—причемъ національныя отличія являются только осложняющимъ элементомъ; ими только обостряется вражда, возникшая независимо отъ нихъ. Сильнѣе и несомнѣннѣе кажутся національныя антипатіи тамъ, гдѣ онѣ основаны на закоренѣломъ, стародавнемъ инстинктѣ, такъ сказать, „безпричинной“ вражды ко всему чужому, чуждому, иноземному. Это наблюдается у народовъ варварскихъ и отсталыхъ, т. е. именно у тѣхъ, національная форма которыхъ еще слабо выражена или остановилась въ своемъ развитіи. Здѣсь выступаютъ и враждебно сталкиваются не *національныя въ собственномъ смыслѣ* психологическія типы, а *этническія и расовыя*. Но и тутъ первоисточниковъ вражды нужно искать въ столкновеніи интересовъ, въ конкуренціи двухъ „человѣческихъ стадъ“, и только въ силу многовѣковой продолжительности этихъ столкновеній враждебное чувство переносится на данную этническую или расовую, а потомъ и національную разновидность, и можетъ сохраняться, уже какъ инстинктъ, и послѣ того, какъ прекратятся враждебныя отношенія политическаго, экономическаго или классоваго порядка.

Во всей всемірной исторіи человѣчества едва ли найдется хоть одинъ примѣръ, гдѣ вражда и борьба между народами основывалась бы *исключительно* на томъ, что они имѣли различную національность. Всегда и вездѣ національныя отличія, при враждебныхъ столкновеніяхъ, оказываются факторомъ второстепеннымъ, сопутствующимъ, и національный антагонизмъ возникаетъ какъ явленіе вторичное, какъ слѣдствіе долгой международной распри.

Возьмемъ нѣсколько типичныхъ случаевъ. Вотъ, напр., ожесточенная, неистребимая взаимная ненависть между древ-

ними евреями и филистимлянами. На первый взгляд, пожалуй, может показаться, что тутъ первенствующую роль играли національныя (или точнѣе этническія и частью расовыя) отличія, ибо филистимляне, какъ думаютъ, принадлежали къ индоевропейскому, а не семитическому племени. Но достаточно вспомнить, что эти народы были сосѣди и оспаривали другъ у друга обладаніе территоріей, что ихъ раздѣляло различіе религій, наконецъ, что столь-же упорная вражда и антипатія имѣли тогда мѣсто и въ отношеніяхъ между евреями и другими племенами Палестины, очень близкими къ евреямъ по расѣ, по языку и по этнической психологіи,—достаточно все это вспомнить, чтобы въ данномъ случаѣ, т. е. въ еврейско-филистимлянскомъ конфликтѣ, не придавать національному (точнѣе: этническому) фактору первенствующаго и вообще существеннаго значенія. — Вражда между поляками и украинцами слишкомъ хорошо объясняется причинами социальными, религиозными, частью политическими, чтобы видѣть здѣсь столкновеніе и антипатію двухъ національностей. Эта антипатія или, лучше сказать, взаимное національное недоувѣріе, если еще и существуетъ, то именно — какъ явленіе производное, вторичное, какъ печальное слѣдствіе или пережитокъ прошлой исторіи. И не трудно убѣдиться въ томъ, какъ въ сущности слабъ и нежизнеспособенъ этотъ пережитокъ, быстро исчезающій съ развитіемъ культуры и просвѣщенія. Что же касается, такъ сказать, „національной пикировки“ между великороссами и украинцами, выражающейся въ народныхъ шуткахъ и прозвищахъ („хохоль“, „кацапъ“), то это — явленіе ничтожное и безвредное, и о національной розни или антипатіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Это даже фактъ не національнаго, а народно-этнографическаго порядка и относится къ области народнаго юмора, роднясь съ многочисленными аналогичными проявленіями въ юмористикѣ, напр. въ бытовыхъ отношеніяхъ. Кто живаль въ Парижѣ, тотъ хорошо знаетъ, какъ любятъ парижане вышучивать англичанъ и изображать ихъ въ карикатурномъ видѣ въ юмористическихъ журналахъ и на сценѣ. Но кто же будетъ серьезно говорить о національной антипатіи французовъ къ англичанамъ? Политическія столкновенія могутъ вызвать и вызывали цѣлую бурю враждебныхъ чувствъ между этими народами, но лишь только прекращался конфликтъ, вскорѣ утихала и эта буря. Националь-

ной антипатіи къ англичанамъ у французовъ нѣтъ, а есть глубокое уваженіе къ англійской національности, какъ таковой, уваженіе, часто переходящее въ явную симпатію. Среди французскихъ государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, мыслителей, писателей не рѣдкость встрѣтить убѣжденныхъ англомановъ.

Весьма важно отмѣтить, что національныя „трения“ и препирательства, доходящія до взаимной антипатіи, гораздо чаще встрѣчаются тамъ, гдѣ національность еще слабо выражена, остается недоразвитою, чѣмъ тамъ, гдѣ она достигла наибольшей высоты развитія и наибольшей яркости выраженія. Представители высшей культуры, — поэты, мыслители, ученые, — различныхъ національностей, если только ихъ умъ свободенъ отъ угара политическихъ страстей и международныхъ предубѣжденій, обыкновенно проявляютъ большой интересъ къ чужому національному складу мысли и творчеству, и на почвѣ этого интереса возникаютъ междунаціональныя симпатіи, и устанавливается обмѣнъ умственныхъ благъ, продуктовъ творчества. На этомъ главнымъ образомъ и основанъ интернаціональный характеръ науки, философіи, искусства, равно какъ и перенесеніе ихъ изъ одной страны въ другую, отъ одной національности къ другой. Конкретными иллюстраціями этого взаимнаго междунаціональнаго сочувствія, пониманія и уваженія могутъ служить, напр., личныя отношенія между Пушкинымъ и Мицкевичемъ, высокая оцѣнка Байрона столь противуположнымъ ему умомъ и гениемъ, какъ Гете, отношенія Тургенева къ французскимъ писателямъ (въ особенности къ Флоберу) и т. д.

Еслибы въ самой національности, *какъ таковой*, скрывался источникъ взаимнаго непониманія и антипатіи, то слѣдовало бы ожидать, что люди, отличающіеся наивысшимъ развитіемъ національной формы, оказались бы безусловно неспособными понимать и цѣнить людей другой національности, столь же ярко выраженной. Въ такомъ случаѣ, Пушкинъ былъ бы не въ силахъ оцѣнить Шекспира, полюбить Мицкевича, Мицкевичъ полюбить Пушкина, и едва-ли ученіе Дарвина могло бы быть понято въ Германіи, едва-ли философія Декарта могла бы оказать вліяніе на Спинозу, который въ свою очередь не повліялъ бы на Гете и т. д., и т. д.

Мнѣ кажется, возможенъ выводъ, гласящій, что междунаціональныя антипатіи идутъ на убыль по мѣрѣ того, какъ

развиваются и получают наиболее яркое выражение национальные формы. Духовное общение и объединение человечества осуществляются силою национального развития.

Изъ всего вышеизложеннаго, между прочимъ, видно, что тѣ чувства—вражды, антипатіи, недовѣрія, презрѣнія или, напротивъ, симпатіи, интереса, уваженія и т. д., которыя возникаютъ у людей при трени и столкновениі національностей, или же при иныхъ отношеніяхъ между ними, *отнюдь не могутъ разсматриваться какъ элементы самихъ національныхъ формъ*. Нельзя утверждать, что, напр., чувство недовѣрія или недоброжелательства къ поляку входитъ, какъ элементъ, въ психологическій составъ украинской національности, нельзя во взаимной антипатіи между французами и нѣмцами видѣть психологическую принадлежность ихъ національныхъ укладовъ. Чувства, питаемыя людьми одной національности къ людямъ другой, измѣняются, появляются, исчезаютъ, а ихъ національные уклады не испытываютъ отъ этого никакихъ перемѣнъ въ своемъ психологическомъ составѣ, подчиняясь своимъ особымъ законамъ развитія или роста. Иначе пришлось бы допустить, что національные уклады, вырабатывающіеся вѣками, могутъ вдругъ въ короткое время, подъ вліяніемъ чувствъ, измѣниться до неузнаваемости.

Национальности являются нерѣдко „пунктомъ“, вокругъ котораго закипаютъ разныя чувства, но эти чувства не образуютъ составной части самой национальной психики.

Но, можетъ быть, найдутся какія-нибудь другія чувства или, по крайней мѣрѣ, элементы чувствующей сферы, о которыхъ придется сказать, что они, на-ряду съ элементами сферы умственной и волевой, входятъ въ составъ национальной психологии? Не трудно убѣдиться въ томъ, что такихъ элементовъ чувства не существуетъ.

Прежде всего, нужно исключить всѣ тѣ чувства, которыя, находясь въ несомнѣнной связи съ явленіемъ національности, не могутъ разсматриваться, какъ ея составная часть, уже потому, что въ отношеніи къ нимъ національность является *объектомъ*. Сюда относится, напр., национальная гордость. Французы, напр., весьма нерѣдко обнаруживаютъ эту гордость, доходящую у нихъ до національнаго самомнѣнія и шовинизма. Не трудно понять, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ частью національнаго уклада, а только съ отраженіемъ

этого послѣдняго въ сознаниі и въ сферѣ чувства. Не сама французская національность горда, а только является предметомъ (объектомъ) гордости. Въ подобныхъ случаяхъ (когда національность) является предметомъ чувствъ, въ ея составѣ не входящихъ замѣчается рѣзкое психологическое различіе между національною формою психики съ одной стороны и иными, чисто-соціальными формами—съ другой, напр., классовыми, сословными, профессиональными. Чувство гордости или, по крайней мѣрѣ, предрасположеніе къ нему дѣйствительно входитъ въ психологическій составъ нѣкоторыхъ классовыхъ формъ (аристократическихъ), въ то время какъ другого рода чувства найдутся въ составѣ иныхъ соціально-психологическихъ укладовъ. Существуютъ „буржуазныя“ чувства, „мелко-буржуазныя“, крестьянскія и т. д. Существуютъ также классовыя, сословныя и т. д. добродѣтели и пороки, но нѣтъ ни національныхъ чувствъ, ни національныхъ добродѣтелей и пороковъ. Национальность есть явленіе соціальное только въ обширномъ, а не въ тѣсномъ смыслѣ. Она—соціальна потому, что все человѣческое соціально, въ томъ числѣ и такія вещи, какъ умъ, складъ ума, талантъ и даже—наши элементарныя психофизическія ощущенія, эти первые элементы психики. Но отъ этой соціальности въ обширномъ смыслѣ нужно отличать явленія соціальности въ тѣсномъ значеніи этого слова, характеризующіяся наличностью общественныхъ связей между индивидуумами, образующихъ то, что можно назвать „коллективной психикой“ или „собираательною реальностью“, каковы классъ, каста, сословіе, профессиональная группа, государство и т. д. „Коллективная психика“ слагается не столько изъ элементовъ мысли и индивидуальной воли, сколько изъ психическихъ навыковъ, чувствъ, настроеній и процессовъ собирательной воли (координація волевыхъ импульсовъ). Существуя и развиваясь въ теченіе вѣковъ, коллективная психика выливается въ форму устойчивыхъ признаковъ, создаетъ предрасположеніе къ тому или другому порядку чувствъ и страстей, превращается въ опредѣленные инстинкты, которые долго сохраняются послѣ того, какъ породившая ихъ „собираательная реальность“ разложится, выродится и исчезнетъ. Всѣ эти групповыя навыки, всѣ эти классовыя, сословныя и т. п. чувства и страсти отличаются рѣзко выраженнымъ *общечеловѣческимъ, интернациональнымъ* или, лучше сказать,

безнациональнымъ характеромъ. Типичныя черты феодала, средневѣковаго рыцаря, средневѣковаго горожанина, мужаика оставались все тѣми же въ Германіи и во Франціи, въ Англіи и въ Италіи. Аристократическая классовая психологія высшихъ классовъ, какъ и демократическая психологія крестьянскихъ массъ, видоизмѣняется не по національностямъ, а въ зависимости отъ социальныхъ условий и по уровнямъ культурнаго развитія. Общечеловѣческой или интернациональный характеръ новой буржуазіи достаточно извѣстенъ. Само собой разумѣется, классовая, сословная и всякая иная социальнo-групповая психика не устраняетъ національной, разъ эта послѣдняя уже выработалась. Онѣ *существуютъ, совмѣщаются* въ душѣ человѣческой, не смѣшиваясь, не сливаясь, и, при нѣкоторомъ вниманіи, мы можемъ съ точностью указать, гдѣ у такого-то человѣка кончается его національная форма психики и гдѣ начинается классовая или иная социальнo-групповая, и какіе элементы его души принадлежатъ первой и какіе — второй. Мы видимъ, напр., что такія-то черты одинаково свойственны французскому и нѣмецкому „буржуа“, въ то время, какъ мы не находимъ ихъ ни у французскаго, ни у нѣмецкаго рабочаго, — и говоримъ, что, стало быть, эти признаки не имѣютъ никакого отношенія ни къ той, ни къ другой національности, а принадлежатъ психологіи класса. Но французскій буржуа всетаки остается, по національности, французомъ, нѣмецкій — нѣмцемъ. Классовая психика не устраняетъ національной, а только частью заслоняетъ ее собою, частью можетъ вліять на нее положительно или отрицательно, въ зависимости отъ культурнаго развитія и просвѣщенія, а также и политической роли класса. Въ этомъ смыслѣ національная форма отчасти видоизмѣняется по классамъ; она изоцрѣется, разрабатывается наиболѣе культурными и просвѣщенными классами, но отъ этого она отнюдь не становится классовою, что очевидно хотя бы изъ той легкости, съ которою она распространяется за предѣлы класса и становится достояніемъ всѣхъ и cadaго *). Теперь вспомнимъ, какъ не передаваемы типичныя черты классовой психологіи, какъ трудно и даже

*) Наиболѣе ярко выражаются національныя черты въ томъ словѣ, который называется „интеллигенціей“ и который часто отличается характеромъ „внѣклассовымъ“.

невозможно „буржуа“ усвоить характерныя классовыя и словныя психологическія особенности старой аристократіи, а также и то, какъ живучи и стойки признаки классовой психологіи, сохраняющіяся даже у эпигоновъ, фактически вошедшихъ въ составъ другого класса,—вспомнимъ все это,—и намъ станетъ ясно глубокое психологическое различіе между національнымъ укладомъ психики и ея социальными групповыми формами.

О національной психологіи мы могли сказать (см. № 2 „Укр. Вѣст.“), что она распространяется какъ родъ „заразы“. О психологіи класса, сословія, профессиональныхъ группъ намъ приходится сказать какъ разъ обратное: она отнюдь не распространяется за предѣлы группъ, и всѣ попытки подражать ей приводятъ къ ея искаженію, къ „карикатурѣ“.—О національной психологіи мы сказали, что она слагается и растетъ вмѣстѣ съ развитіемъ умственной культуры и просвѣщенія.—О всякой социальномъ групповой психологіи мы скажемъ, наоборотъ, что успѣхи просвѣщенія и умственной культуры затушевываютъ ея рѣзкія черты и содѣйствуютъ ея психологическому разложенію.

Не трудно видѣть, что главною причиною, обуславливающею это, такъ сказать, принципиальное различіе между національнымъ укладомъ психики съ одной стороны и ея социальными групповыми формами—съ другой, является то, что въ составъ этихъ послѣднихъ, какъ важнѣйшій элементъ, входятъ психо-соціальныя навыки, инстинкты, чувства, страсти, и, въ особенности, особыя формаціи „соціального самочувствія“ человѣка, между тѣмъ какъ въ психологическомъ инвентарѣ національныхъ укладовъ ничего подобнаго нѣтъ. Национальность, какъ таковая, свободна отъ этого социальнаго балласта, и потому призвана къ безконечному развитію, ничуть непротиворѣчающему развитію другихъ национальностей, въ противоположность тому, какъ развитіе одного класса противорѣчитъ развитію и самой психологіи другого.

Что въ психологической составъ національныхъ формъ не входятъ элементы чувствующей сферы, что нѣтъ национальныхъ чувствъ и страстей, это наглядно поясняется данными художественной литературы и другихъ искусствъ. А именно, когда художникъ задается цѣлью изобразить человѣка со стороны его чувствъ, когда онъ воспроизводитъ психологію какой-либо страсти, то въ результатѣ получается либо клас-

совый, либо индивидуально-общечеловѣческой типъ, въ которомъ всѣ національныя отличія исчезаютъ. Оттуда—столь извѣстный общечеловѣческой характеръ шекспировскихъ типовъ, воспроизводящихъ психологію страстей.

Подобныя же иллюстраціи къ нашей мысли въ изобиліи найдутся и въ жизни. Наблюдайте людей, душа которыхъ является ареною острыхъ чувствъ и страстей, возьмите, напр., придворныхъ интригановъ, толпу биржевиковъ во время биржевого азарта, картежниковъ, публику, охваченную паникой, толпу во время бунта, религіозный экстазъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ, воинственное воодушевленіе арміи и т. д. и т. д.,—и вы увидите, какъ общечеловѣчны и какъ безнаціональны эти явленія, съ какимъ однообразиемъ повторяются они у разныхъ народовъ, ничуть не затрогивая національныхъ „струнъ“ ихъ психики. Можно сказать даже, что въ моментъ яркаго выраженія сильныхъ чувствъ, эмоцій, страстей, человѣкъ какъ бы „денаціонализируется“, его національная психика подавляется, нейтрализуется, бездѣйствуетъ. Если бы эти душевныя движенія входили въ психологическій составъ національныхъ формъ, то эта послѣдняя выступала бы тутъ наружу съ особливою яркостью,—и мы явственно различали бы, напр., французскій биржевой азартъ отъ нѣмецкаго, англійскую панику при пожарѣ въ театрѣ отъ русской и т. д. и т. д.

Но есть особый порядокъ чувствъ или эмоцій, рѣзко отличающихся отъ другихъ чувствъ, какъ по своему психологическому характеру, такъ и по своему происхожденію. Эти особыя „чувства“ въ значительной степени представляютъ собою явленія умственного порядка. Ихъ называютъ „эстетическими“. Они служатъ спутниками, а также симптомами процессовъ мысли. Повидимому, они входятъ и въ составъ національной психологіи,

Терминъ „эстетическій“ въ примѣненіи къ данному порядку чувствъ представляется неудачнымъ и неудобнымъ. Но онъ освященъ традиціей, и намъ придется его удержать. Иначе мы замѣнили бы его выраженіемъ „чувство психической энергіи“. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что тѣ умственные процессы, съ которыми это чувство такъ или иначе связано, являются либо процессами сбереженія психической энергіи, либо процессами освобожденія ея избытка, раньше накопленнаго. Если мы убѣдимся, что „эстетическія“

чувства или эмоціи составляютъ принадлежность національныхъ формъ, то это обстоятельство явится однимъ изъ подтвержденій мысли, опирающейся на рядъ другихъ доводовъ и наблюдений и гласящей такъ: *національность есть одна изъ важнѣйшихъ формъ сбереженія и накопленія психической энергии, а, слѣдовательно, и ея освобожденія, ея утилизаціи, именуемой „творчествомъ“.*

Д. Овсяннико-Куликовскій.

Формы землевладѣнія и землепользованія на Украинѣ.

Наканунѣ рѣшенія серьезнаго вопроса о томъ, какъ распредѣлять землю между земледѣльцами Русскаго государства, чтобы одни люди изъ нихъ не представляли босыхъ и голодныхъ вырождающихся существъ человеческого рода, а другіе замѣнили бы обломовщину какимъ-либо производительнымъ трудомъ,—нелишне будетъ навести справку о нынѣшнемъ положеніи землевладѣнія и землепользованія. Мы ограничимся рассказомъ о томъ, какъ возникли тѣ или другія формы землевладѣнія и землепользованія, существующія въ южной половинѣ Европейской Россіи, или Украинѣ, не касаясь той или другой теоріи уравнинія земель и не дѣлая оцѣнки той или иной изъ существующихъ формъ землевладѣнія или землепользованія.

Мы почтемъ свою задачу исполненною, если намъ удастся безъ грубыхъ ошибокъ на вѣсколькихъ страницахъ охарактеризовать бытующія на Украинѣ формы землевладѣнія и землепользованія и вкратцѣ указать, какъ и когда онѣ возникли.

Начнемъ съ центра Украинской земли—двухъ губерній лѣвобережной и трехъ губерній правобережной стародавней Украины. Когда съ лѣвой стороны Днѣпра казацкою саблею гетмана Богдана Хмѣльницкаго изгнаны были польско-литовскіе крупные помѣщики и земля стала принадлежностью всего народа, или „войска“, здѣсь, казалось, достигнутъ былъ идеаль политическаго и экономическаго равенства всѣхъ украинцевъ: не осталось ни кастъ, ни сословій; изъ среды равныхъ посполитыхъ выбираемы были лица, посвящаемыя затѣмъ въ духовный санъ; мѣстныя школы, богоугодныя заведенія и другія „братскія“ учрежденія устраивались по волѣ жителей даннаго населеннаго пункта безъ всякихъ ограниченій продиктованными свыше регламентами; военными защитниками новоустраивающейся республики были также выборные казаки, которые выбирали и высшее правительство — старшину и гетмана. При такихъ

политическихъ правахъ и земля, принадлежавшая всему украинскому народу, жившему въ десяти „полкахъ“ новообразовавшагося государства, должна была распредѣляться на основаніи принципа равенства и справедливости, и соразмѣрно съ потребностью каждой семьи-хозяйства. Можетъ быть, такъ оно и было сначала; но уже очень скоро политическая власть, попавшая въ руки военныхъ, которые и управляли и судили, стала примѣняться къ господствовавшимъ тогда всюду понятіямъ, что „звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ: сотникамъ, полковникамъ, представлявшимъ эту власть на мѣстахъ, и чинамъ центральной „генеральной старшины“ при простотѣ тогдашняго быта гетманы стали давать вмѣсто жалованья по ихъ рангу кола водяныхъ мельницъ и земли въ пожизненное пользованіе. Это пожизненное пользованіе мало по малу переходило въ наследственное личное владѣніе, когда и должности полковниковъ и бунчуковыхъ товарищей центрального правительства и разныхъ другихъ названій мало по малу становились наследственными. Богатые и благочестивые люди, какъ, напр., Раина Могилянская, г-жа Угорницкая и др., дарили по духовнымъ завѣщаніямъ большія пространства земель монастырямъ, и въ постоянномъ владѣніи послѣднихъ земли эти оставались, какъ говорилось, „въ вѣчность“. Скоро (уже въ концѣ XVII вѣка) люди, жившіе на этихъ монастырскихъ земляхъ, начинаютъ называться монастырскими „подданными“. Это названіе стараются присвоить и частные землевладѣльцы, скупившіе у обѣднѣвшихъ почему-либо сосѣдей ихъ участки и увеличившіе свое землевладѣніе, своимъ „подсусѣдкамъ“ и др. жившимъ на ихъ землѣ.

Такой процессъ длется все время XVIII столѣтія, когда императоры и императрицы російскіе, начиная отъ Петра I, стали раздавать на Украинѣ земли князьямъ, графамъ и дворянамъ; когда уже и изъ мѣстной войсковой аристократіи образовалось достаточно такъ называвшихся шляхетныхъ людей, обратившихъ въ свое „подданство“ многихъ и изъ нополитыхъ и изъ козаковъ. Когда чины козацкой службы были приравнены къ новосозданнымъ чинамъ по „табели о рангахъ“, не стало ни военного „товариства“, ни земледѣльческаго „посполства“, а мало-по-малу появились тѣ многочисленныя сословія, на какія теперь дѣлится населеніе старой гетманщины: въ 1783 введено было крѣпостное право, въ 1785—дворянскія учрежденія; духовенство стало особою кастою, изъ которой выдѣлились еще почетные и потомственные почетные граждане; мѣщане и купцы получили хотя и небольшія, но все-таки привилегіи по сравненію съ сельскими крѣпаками; козаки еще пока гордились своимъ прозвищемъ—„вольные“, т. е. несобязанные работать на

пановъ, нестѣсняемые въ передвиженіяхъ и могущіе продавать свои земли только лицамъ своего сословія; но и они стали платить наравнѣ съ крестьянами „подушныя“ подати. Еще одно сельское сословіе явилось въ видѣ государственныхъ или казенныхъ крестьянъ, когда подаренныя „въ вѣчность“ монастырямъ земли были отобраны въ казну, а бывшимъ монастырскимъ подданнымъ, обложеннымъ и подушною податю, казна стала давать „надѣлы“ за такъ называемый „оброкъ“. Такъ въ селахъ Полтавской и Черниговской губерній къ половинѣ XIX вѣка сложились козацкія сельскія общества, управлявшіяся своими выборными головами, панскія „державы“, гдѣ люди во всемъ подчинялись панамъ, владѣвшимъ ихъ тѣлами и душами и, наконецъ, казенныя имѣнія подъ администраціею чиновниковъ. Разница политическихъ правъ этихъ сословій и дала разныя формы землевладѣнія и землепользованія: дворяне и козаки владѣли землею какъ личною наслѣдственною собственностью; хотя для дворянъ остался старинный терминъ, что они только „держатъ“ свои „державы“, но они продавали ихъ также, какъ и козаки, съ тою разницею, что козаки продавали только „грунты и маетки“, а паны—не только землю, но и души людей, на нихъ живущихъ. Послѣдніе платили „подушное“ и пользовались тѣмъ „надѣломъ“, какой давали имъ паны, а въ казенныхъ имѣніяхъ чиновники.

Реформы 1861—1864 и 1874 годовъ приравняли въ административномъ отношеніи казаковъ и тѣхъ нѣкоторыхъ колонистовъ-нѣмцевъ, какіе поселены были въ концѣ XVIII вѣка на свободныхъ земляхъ гетманщины, къ крестьянамъ государственнымъ и бывшимъ помѣщичьимъ; первые до 1888 г. платили все еще „оброкъ“ въ казну, а затѣмъ и они стали выкупать свои надѣлы, какъ и бывшіе крѣпостные, въ собственность, и стали зваться крестьянами-собственниками, хотя все-таки съ кличками „бывшіе государственные“, или „бывшіе казенные“. Межеваніе (генеральное и специальное), произведенное во 2-й половинѣ XIX вѣка, имѣло цѣлью вывести изъ череполосицы (какъ говорилось тогда) крупныя дворянскія имѣнія, образовавшіяся изъ покупки у козаковъ пролѣзшими въ дворяне шляхетными родами мелкихъ участковъ, и образовывать изъ нихъ такъ называемыя „отрубныя“ владѣнія. Этимъ окончательно было уничтожено старое болѣе или менѣе уравнительное землевладѣніе или, по крайней мѣрѣ, право на займанщину каждымъ козакомъ извѣстнаго количества земли, отвоеванной когда-то всѣмъ народомъ у польскихъ пановъ. Дворянскія и „прочія“ земли стали отличаться такъ, какъ и въ Великороссіи, съ тою разницею, что здѣсь были еще и козаки-собственники; долго еще губернаторы,

пріѣзжавшіе оттуда въ Полтавскую и Черниговскую губерніи п свыкшіися только съ двумя понятіями по отношенію къ землѣ — дворянскимъ землевладѣніемъ и крестьянскими надѣлами, недоумѣвали, когда на вопросъ: „че это село?“ — получали отвѣтъ, что оно — козацье и не принадлежитъ никакому отдѣльному дворянину.

Не то было по другой сторонѣ Днѣпра въ Юго-западномъ краѣ съ частью Бессарабіи, Холмщиною и Подлясьемъ, гдѣ козаки, бывшіе до Богдана Хмѣльницкаго подъ управленіемъ коронныхъ гетмановъ королевства Польскаго, не довоевались ни до чего. Земля здѣсь осталась во власти пановъ, которые все больше и больше угнетали жившихъ на присвоенныхъ ими земляхъ людей. Гайдамацкія возстанія въ XVIII вѣкѣ были подавлены польскимъ правительствомъ, и весь край покрылся висѣльницами и эшафотами при особой изобрѣтательности изувѣровъ того времени разныхъ казней (колесованій, четвергованій и т. п.). Тутъ остались полноправные паны и вполнѣ безправные хлопы, которыхъ первые звали животными — „быдломъ“. Съ завоеваніемъ этого края Россіею въ самомъ концѣ XVIII вѣка ничто не измѣнилось, такъ какъ привиллегія владѣть землями осталась за панами, которые владѣли тутъ не только селами, но и большими городами и мѣстечками, жители которыхъ за право жизни платили имъ чиншъ. Незаписанные при ревизіяхъ въ крѣпостные, мелкіе землевладѣльцы, доказывавшіе свое происхожденіе отъ шляхты, добились другой формы землепользованія — чиншевой, т. е. наследственной аренды панскихъ земель, и эта чиншевая форма отличала Юго-западный край отъ лѣвобережной Украины. Дальнѣйшая судьба истиннаго земледѣльческаго населенія крайне незавидна: русское правительство, желая обезсилить польскій земледѣльческій элементъ, въ 1847 году старалось опредѣлить размѣръ „панщины“, т. е. обязательной работы крѣпаконъ на пановъ, — а послѣ польскаго возстанія и освобожденія крестьянъ конфисковало нѣкоторыя крупныя имѣнія для передачи ихъ великорусскимъ собственникамъ. Но положеніе крестьянъ и на частновладѣльческихъ и на казенныхъ земляхъ отъ этого не улучшилось. При выдѣленіи надѣловъ осталось много земель въ общемъ владѣніи пановъ и крестьянъ, такъ называемыхъ „сервитутовъ“; разверстанія этихъ земель, несмотря на громадную канцелярскую переписку мѣстныхъ властей съ министерствами, не сдѣлано и до настоящаго времени. Правила, что лѣса должны отойти панамъ, а только „сѣнокосы въ лѣсу“ могли быть отданы крестьянамъ, повели къ нескончаемымъ ссорамъ, ибо стоило сады, разведенныя крестьянами въ лѣсу, признать лѣсомъ, или назвать извѣстный участокъ „лѣсомъ по сѣно-

косу“, а не „сѣнокосомъ въ лѣсу“, чтобы эти уголья стали панскими. Малоземелье и безземелье бывшихъ панскихъ крѣпостныхъ здѣсь такъ же велико, какъ и въ лѣвобережной Украинѣ.

Въ Слободской Украинѣ, куда колонизація украинскаго народа направилась вслѣдствіе угнетенія его панами на правой сторонѣ Днѣпра, формы землевладѣнія не такъ сложны, а болѣе однообразны. Еще когда въ Полтавинѣ не стало пановъ послѣ революціи Богдана Хмельницкаго, изъ Юго-западнаго края земледѣльцы ринулись на освобожденные отъ панскихъ податей такъ называемые „ухожап“; нѣсколько позже это переселеніе бѣглецовъ изъ подъ панской неволи направилось въ нынѣшнія Харьковскую, Воронежскую и южную часть Курской губерній, на такъ называемыя „слободы“. Займанщина земель, оставленныхъ кочевниками, шла здѣсь рядомъ съ образованіемъ изъ старой козацкой старшины „шляхетства“ и съ насажденіемъ великорусскаго дворянства со стороны русскаго правительства. Послѣднее здѣшнихъ переселенцевъ не признало козаками, собственниками земель, такъ какъ эта территория не входила въ составъ полковъ Гетманщины, и зачислило — кого въ государственные крестьяне, кого — въ крѣпостные шляхетства, сравненнаго потомъ съ дворянствомъ. Крѣпостные стали отбывать панщину со всѣми „басаринками“, „тринкалями“ и „одбутками“, а казенные крестьяне платили въ казну оброчныя и подушныя подати. Когда послѣ реформъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія государственные крестьяне и люди, освобожденные изъ подъ ферулы военныхъ поселеній (заведенныхъ тутъ Аракчеевымъ въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка), стали заявлять, что много старозаимочныхъ земель отчисляется въ казну, то послѣ нѣсколькихъ исковъ, выигранныхъ у казны этими крестьянами, было запрещено вчинать такіе искы. И государственные и бывшіе крѣпостные крестьяне всякими способами приведены были въ состояніе податного простонародья, которое, по общимъ государственнымъ обычаямъ, въ правѣ землевладѣнія должно было отличаться отъ дворянъ, владеющихъ землею наследственно. Имъ предписано было держаться общинной формы землевладѣнія съ надѣленіемъ „ревизскихъ душъ“ мужского пола паями опредѣленной величины и съ уравниемъ черезъ извѣстные періоды времени вслѣдствіе размноженія населенія. Такая форма землевладѣнія съ передѣлами по душамъ черезъ извѣстный промежутокъ времени здѣсь болѣе распространена, чѣмъ въ старой Гетманщинѣ, гдѣ привыкли владѣть подворно-наследственно и гдѣ даже государственные крестьяне почти никогда не прибѣгали къ передѣламъ. Этимъ Слобжанщина нѣсколько отличается отъ сосѣдней старой Украины.

Еще болѣе по формамъ народнаго землевладѣнія отличаются бывшія вольности войска Запорожскаго, т. е. территорія нынѣшнихъ Екатеринославской, Херсонской, степной части Таврической губерній и небольшихъ частей Бессарабіи. Когда въ 1775 году разорено было „богопротивное Запорожское сонмище“, какъ назвала его Екатерина II за то, что среди воснаго Коша не было женщинъ, а онѣ жили по зимовникамъ и хуторамъ запорожскимъ, то часть запорожцевъ бѣжала за Дунай въ Турцію; другіе были сначала поселены у Днѣстра, а затѣмъ перенаны на Кубань, гдѣ императрица подарила имъ Екатеринодаръ и всѣ земли, какія они за „линію“ отвоюють у черкесовъ—въ войсковую ихъ собственность. Старая земля запорожская опустѣла; на ней Потемкинъ по своей переписи (образцы которой напечатаны въ Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи) насчиталъ всего не то 50, не то 100 тысячъ жителей. Путешествіе императрицы въ эту пустыню привело къ изданію ряда законовъ о заселеніи края колонистами нѣмцами, евреями, сербами, болгарами и, наконецъ, крѣпостными ревизскими душами изъ Россіи на земляхъ, которыя щедро жадуемы были по Высочайшей волѣ и этою императрицею и ея наслѣдниками.

Исторія съ мертвыми душами, которыя скупались для права получить земли въ Новороссійскомъ краѣ, извѣстна всѣмъ благодаря Гоголю; изъ рассказовъ и повѣстей Данилевскаго и Левицкаго мы знаемъ также и о „бѣглыхъ въ Новороссіи“. Это были тѣ люди, которые уходили изъ-подъ панской руки, не смогши выносить панскихъ плетей и розогъ въ Слобожанщинѣ, Гетманщинѣ и Юго-Западномъ краѣ и при послѣдующихъ ревизіяхъ значились въ „бѣгахъ“. Смущало это обстоятельство маршалковъ Юго-Западнаго края и предводителей дворянства лѣвобережной Украины, и они ископатывали законы противъ помѣщиковъ Новороссіи „пристанодержателей“, которые давали пріютъ бѣглецамъ, а потомъ обращали ихъ въ крѣпостныхъ рабовъ, переименовавши ихъ именами скупленныхъ мертвыхъ душъ. Какъ ни строги были законы о бѣглыхъ и приставодержателяхъ, но народная колонизація Новороссійскаго края подвигалась быстро. Передъ Севастопольскою войною всѣ бѣглецы были прощены, ибо они понадобились для защиты отечества: одни изъ нихъ зачислены въ помѣщичьи, другіе — въ государственные крестьяне, а еще нѣкоторые — въ отставные солдаты или мѣщане. Но кромѣ этой народной колонизація опустошеннаго края, какъ выше сказано, была и правительственная. Изъ оставшихся на мѣстѣ запорожцевъ и ихъ потомковъ было устроено сначала Бугское войско, затѣмъ военныя поселенія, на образованіе которыхъ правительство прикупало людей

у помѣщиковъ, распѣивая ихъ по возрастамъ отъ 1 года до 18-ти лѣтъ суммами отъ 22 до 1000 рублей *). Много изобрѣтательности Аракчеевъ потратилъ на списокъ наказаній шпицрутенами сквозь строй, кнутами, плетями, розгами и пр., чтобы устроить эти поселенія; изобрѣтенъ былъ особый родъ дѣтей — „кантонистовъ“ для пополненія кадровъ войновъ-земледѣльцевъ; много трудились и спеціальныя комитеты о нѣмецкихъ и еврейскихъ колоніяхъ, адмиралтейскихъ поселеніяхъ, поселеніяхъ „вольныхъ“ матросовъ и прочихъ сословій, пока Новороссійскій край заселенъ былъ изуродованными на разные способы людьми; много денегъ истрачено было правительствомъ, чтобы водворить „порядокъ“ на опустошенныхъ „вольностяхъ“ запорожскихъ. Въ результатѣ разныхъ законодательствъ получились разнообразныя формы землевладѣнія: подворно-наслѣдственное съ правомъ минората и недѣлимости участковъ у нѣмцевъ-колонистовъ, подобное же у другихъ колонистовъ, общинное у военныхъ поселенъ и государственныхъ крестьянъ, народное громадское, принесенное бѣглецами переселенцами украинцами изъ метрополіи, особое — городское, ибо городамъ давались участки въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ **), и наконецъ насажденное правительствомъ дворянское личное-наслѣдственное, потомъ усложненное еще закономъ о заповѣдности, т. е. недобимости громаднхъ латифундій.

Но жизнь Новороссійскаго края создала еще особую форму земле-

*) Первое полное собраніе законовъ Россійской имперіи №№ 29.312, 29.768. До 6 лѣтъ возраста повышение цѣны ребенка шло по 22 руб. за каждый годъ, отъ 7 до 10 лѣтъ — по 42 рубля, отъ 10 до 17 лѣтъ — по 90, а отъ 17 до 18 — на 70 рублей; старше 18 лѣтъ всѣ взрослые стоили по 1000 рублей.

**) Въ рѣчахъ депутатовъ Государственной Думы при перечисленіи разныхъ видовъ земель, которая предполагается отчуждить въ пользу трудящихся земледѣльцевъ (кабинетскихъ, удѣльныхъ, казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ) почему-то не упоминалось, какъ быть съ землями, принадлежащими городамъ, на которыхъ живутъ не то мѣщане, не то пожизненные чиншевики, не то десятищники, уплачивающіе въ городскую управу, не то аренду, не то чиншъ. А есть города, владѣющіе очень крупными латифундіями; напр., Херсону принадлежитъ около 48 тыс. десятинъ, Николаеву — болѣе 17 тысячъ, Одессѣ — болѣе 44 тыс., Очакову — болѣе 8 тыс. дес. и т. п. Вопросъ о войсковыхъ и юртовыхъ земляхъ также еще не былъ затронутъ и овященъ съ той точки зрѣнія, не является ли слишкомъ архаическимъ пережиткомъ въ настоящее время, при всеобщей воинской повинности, та форма землевладѣнія, при которой земля принадлежитъ только „войску“, а не всѣмъ жителямъ, населяющимъ данную область?

пользованія, нѣсколько отличную отъ Юго-Западной чиншевой и болѣе похожую на англійскую фермерскую аренду. Новороссійскіе помѣщики изъ бѣглыхъ Чичиковыхъ были своеобразнѣе, чѣмъ ихъ собратья въ центральной Россіи, которые даже стрѣлялись, не желая дожить до „эмансипаціи“ крестьянъ 1861 года. Эти же герои поэмы Гоголя, когда слухъ прошелъ, что реформа неизбежна, своихъ крѣпостныхъ отпустили на волю, выкативши имъ на дворъ по боченку водки въ честь выдачи „вольной“. Пріѣхавшимъ къ нимъ въ послѣдствіи мировымъ посредникамъ нечего было дѣлать: крѣпостныхъ у этихъ дворянъ не оказалось, а только—земли и постройки, въ которыхъ жили частные квартиранты, ихъ вольноотпущенники. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти квартиранты узнали, что они должны платить арендную плату и за хаты и за землю, которую желаютъ брать у помѣщика въ годичную съемку по-десятинно. Стали ихъ звать „десятинниками“; которые не соглашались на повышение арендной платы, тѣ должны были выбраться изъ населенныхъ дворовъ и превратиться въ еще худшій разрядъ человѣческаго рода, такъ называемыхъ „выханцевъ“. Такими же десятинниками стали и обезземеленные и не получившіе надѣла дворовые крестьяне, а также нѣкоторые нѣмцы-колонисты, выселявшіеся изъ своихъ колоній въ слѣдствіе недробности двороваго надѣла и передачи его меньшему сыну. По обычаю нѣмецкихъ колонистовъ, каждый отецъ, имѣющій нѣсколькихъ сыновей, откладываетъ особый денежный капиталъ изъ заработковъ своихъ и младшаго сына, который передается старшимъ сыновьямъ въ видѣ выкупа за землю, поступающую въ слѣдствіе меньшему сыну. Въ извѣстное время семьи, собравшія эти деньги и купившія гдѣ-нибудь на сторонѣ у помѣщика участокъ земли, выселяются цѣлымъ „роемъ“ на подобіе пчелъ изъ своей колоніи и образуютъ новую; но не всегда удавалось имъ купить въ собственность чье-либо имѣніе, или его часть, — и такимъ приходилось садиться на панской землѣ въ качествѣ „десятинниковъ“. По письменнымъ нотаріальнымъ договорамъ они обязывались съ выстроити на панской землѣ постройки, брать ежегодно у пана землю для обработки и сѣнокосенія платить ему за выпасъ скота и т. п., а въ случаѣ прекращенія договорныхъ отношеній — оставить все постройки въ собственность пана; поэтому ихъ положеніе—то же, что и десятинниковъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ.

У нѣмцевъ переняли обычай вылетать роемъ изъ своей метрополіи и нѣкоторые украинцы. Они также при увеличеніи населенія и малоземелья стали составлять товарищества для покупки земли для самостоятельно или при помощи Крестьянскаго банка; покупали

они земли сначала въ Таврической и Херсонской губерніяхъ, а затѣмъ двинулись на сѣверъ въ Екатеринославскую, Полтавскую, Харьковскую и Воронежскую губерніи, гдѣ получили прозвище „коркулей“ въ отличіе отъ вѣщцевъ. Форма землевладѣнія этихъ новообразовавшихся товариществъ, скоро переходящихъ въ общество,—паевая, но преобразовывается въ подворно-наслѣдственную безъ передѣловъ, а съ фиксированными отрубными или черезполосными участкамъ, смотря по отличіямъ угодій и почвъ пріобрѣтенныхъ имѣній или участковъ. И эти общества, какъ и старо-возникшія, часто прибѣгаютъ къ годовой сѣмкѣ земли у сосѣднихъ помѣщиковъ. Про переселенцевъ въ Самарскую, Саратовскую, Оренбургскую губерніи, а также въ Сибирь и „по-за-Сибирь“ на „Зеленый Клынь“, т. е. въ Южно-уссурійскій край, которые направляются теперь и черезъ океанъ и по Сибирской желѣзной дорогѣ, мы говорить не будемъ, такъ какъ формы землевладѣнія эмигрантовъ не входятъ въ нашу задачу.

Намъ осталось сказать про земли Донскаго, Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, представляющихъ пережитокъ тѣхъ эпохъ, когда отбываніе военной повинности съ полнымъ обмундированіемъ и содержаніемъ коня производилось на счетъ самихъ хозяевъ, для чего по обычаямъ старой Гетманщины козачи дѣлились на выборныхъ и подпошочниковъ. Земля здѣсь принадлежитъ войску; изъ нея каждому казаку вырѣзывается надѣлъ, размѣръ котораго съ теченіемъ времени уменьшается, а остающійся сверхъ того, „войсковой запасъ“ еще пока не попалъ въ распоряженіе Министерства государственныхъ имуществъ, а числится достояніемъ „войска“. Но въ этомъ войскѣ, которымъ командуютъ „наказные“ атаманъ и другіе подчиненные имъ чины, какъ и вездѣ, гдѣ есть разные чины и степени неравныхъ политическихъ правъ, какъ и въ старомъ строѣ гетманскаго козачества, давно уже завелись такіе же „дуки срібляныки“ старыхъ козачьихъ пѣсенъ, которые во времена господства крѣпостнаго права счумѣли совершенно даромъ, только за сомнительныя заслуги передъ отечествомъ, перечислить пожизненныя земли въ наслѣдственныя и получить изъ Россіи достаточное количество крѣпостныхъ душъ, чтобы стать надлежащими дворянами - помѣщикамъ, т. е. рабовладѣльцами. Впрочемъ, въ Донской области неразобраннаго ни казаками ни помѣщиками чистаго войскового запаса имѣется еще болѣе 1 милліона десятинъ, да столько же находится табунныхъ земель у тамошняго коннозаводства; войсковыхъ казаковъ, представляющихъ изъ себя абстрактнаго владѣльца всей Донской области, осталось тутъ менѣе половины населенія (43⁰/₁₀₀);

остальные превратились въ обычныхъ дворянъ, съ личнымъ земле-
владѣніемъ и съ своими предводителями, и въ надѣльныхъ крестья-
ннъ, получившихъ „волю“ въ 1861 году. Въ Кубанской области до
1868 года были только казаки, владѣвшіе въ качествѣ офицеровъ
землями, данными имъ вмѣсто пенсіи, и въ качествѣ рядовыхъ—па-
дѣльными юртовыми землями, а съ этого времени, когда на старой
Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра объявлено было, что на Кубань
можно переселяться, сотни тысячъ украинцевъ явились сюда и сѣли
на земляхъ купленныхъ или арендованныхъ у частныхъ владѣль-
цевъ; по переписи 1897, изъ числа всѣхъ жителей (1.918.880)
Кубанской области было около $\frac{1}{3}$ уроженцевъ другихъ губерній
(615.860); этихъ новоселовъ, чистыхъ земледѣльцевъ, не долюбли-
ваютъ казаки, и между ними идутъ постоянныя распри за земли.
Въ Терекской области, гдѣ новоселовъ меньше, старопоселенцы ка-
заки и въ настоящее время отгѣняютъ кочевниковъ Ногайцевъ къ
Каспійскому морю, захватывая участки ихъ земли и основывая на
нихъ значительной величины поселенія; когда тѣ жалуются прави-
тельству на обиду, казаки, построивши церковь и освятивши ее,
находятъ защиту зъ лицъ духовныхъ властей—архіереевъ и синода.
Тутъ, слѣдовательно, происходитъ еще та замайщина, которая имѣла
мѣсто лѣтъ 200—300 тому назадъ въ степяхъ Слободской Украины.
Форма землевладѣнія здѣсь та же, что и въ большей части терри-
торіи старой Украины, т. е. участковая, родившаяся изъ паевой, —
въ усадьбахъ и поляхъ „общеска“ и „громадска“ для особыхъ
видовъ специальныхъ угодій.

Спросимъ теперь себя, къ какому выводу можетъ привести сдѣ-
ланный нами обзоръ формъ землевладѣнія и землепользованія при
той работѣ, которая началась и будетъ еще долго продолжаться,
если Государственная Дума установитъ общій принципъ надѣленія
земледѣльцевъ землею (въ долгосрочное пользованіе или въ собствен-
ность) и придется на дѣлѣ осуществлять реформу, которая, по
своему значенію превзойдетъ реформу 1861 года, а скорѣе напо-
мнитъ ту реформу, какую на Украинѣ произвело войско запорожское
подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго? Разнообразіе су-
ществующихъ формъ землепользованія и землевладѣнія, огромная
разница размѣровъ того и другого, зависящая отъ несправедливаго
распределенія между разными классами и сословіями, а также и
отъ густоты населенія (колебанія которой лежатъ между цифрами
105 и 4—6 душъ на 1 квадр. версту *) несомнѣнно приведутъ

*) 105—подъ Каменецъ-Подольскомъ, подъ Харьковомъ даже

и къ разнообразію приемовъ надѣленія. Но какой общій принципъ восторжествуетъ при теоретическомъ разрѣшеніи вопроса: тотъ ли, который исповѣдуютъ массы Украинскаго народа не смотря на все разнообразіе создававшихся юридическихъ условий, и который по отзыву знатока сельскаго хозяйства на Украинѣ, воззрѣній и взглядовъ Украинскаго народа, г. Чикаленка состоитъ въ томъ, что „землею, лѣсомъ, водою и солнечнымъ свѣтомъ имѣетъ право пользоваться каждый, а не одни паны, несправедливо присвоившіе только себѣ это право“ *), или какой другой?

Будутъ ли по почину Государственной Думы приняты и введены въ жизнь такіе законы, которые предупреждали бы то, что случилось на Украинѣ послѣ Б. Хмѣльницкаго, т. е. при той или другой формѣ землепользованія или землевладѣнія обезпечили бы невозможность въ будущемъ скопленія земель въ рукахъ отдѣльныхъ туеядцевъ тѣхъ благъ природы, какія заключаются въ землѣ, лѣсахъ, водѣ и ихъ производительныхъ силахъ подѣ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей?

Отъ рѣшенія этихъ двухъ вопросовъ зависитъ всецѣло дальнѣйшая судьба не одного Украинскаго народа, а и всѣхъ народовъ, населяющихъ шестую часть земной поверхности, именуемую Русскимъ государствомъ.

А. Русовъ.

120, въ Кіевскомъ уѣздѣ—109, въ Ново-Александрійскомъ — 97, а, напр., въ Кизлярскомъ округѣ Терской области—6, въ Сальскомъ Донской, гдѣ находятся земли табуннаго коннозаводства — 4, въ Орскомъ у.—также 4 души на квадр. версту.

*) „Громадська Думка“ 1906, № 124.

Изъ украинскихъ провинцій Венгріи.

Украинскій народъ на всей занимаемой имъ территоріи нигдѣ не принадлежитъ къ числу господствующихъ націй. Благодаря этому онъ не только не нормируетъ условія, въ которыхъ ему приходится жить, сообразно съ своими нуждами, но даже не вліяетъ на ихъ укладъ въ такой степени, которая соотвѣтствовала бы его давней культурѣ, его исторической традиціи, его численности и тѣмъ обязанностямъ, которыя онъ несетъ въ государствахъ, въ составъ которыхъ онъ входитъ. И въ то время, какъ въ Австріи, т. е. въ Галиціи и Буковинѣ, мы видимъ уже давно усилія измѣнить свое невыносимое положеніе, которыя и увѣнчались до нѣкоторой степени успѣхомъ, а въ російской Украинѣ наступаетъ полный и радостный поворотъ въ этомъ направленіи,—существуетъ такой значительный уголокъ украинскій территоріи, гдѣ по всей линіи царствуетъ тишина, апатія, совершенное нравственное убожество, гдѣ никакой призывъ не встрѣчается отвзвукъ, куда не достигаютъ никакія вѣсти про то, что дѣлается на остальной украинской территоріи, гдѣ само имя „Украина, украинскій“ неизвѣстно, и этимъ уголкомъ является такъ называемая Угорская Русь.

Угорская Русь въ политическомъ отношеніи никогда не составляла одного цѣлаго со всей остальной украинской территоріей, но все-таки имѣла сношенія съ ней, особенно съ Галиціей. Эти сношенія существовали еще въ прошломъ столѣтіи до 70-хъ годовъ. Въ 1849 году угорскіе русины выслали даже депутацію въ Вѣну съ меморіаломъ, въ которомъ добивались присоединенія своей области къ украинской части Галиціи, общаго университета во Львовѣ и т. д. Но когда въ 1867 году въ Венгріи была объявлена конституція такого рода, что всѣ права были предоставлены однимъ мадьярамъ, а на долю другихъ народовъ остались лишь обязанности, когда мадьяры, овладѣвъ положеніемъ, стали терроризировать всѣ другія народности, тогда національное движеніе среди венгерскихъ русиновъ начало угасать и къ 80—90 годамъ совершенно замерло. Теперь тамъ нѣтъ

совѣмъ національнаго украинскаго движенія, и единственнымъ признакомъ того, что угорскіе Русины не исчезли еще съ „мадьярскаго—глобуса“, являются двѣ анемическія клерикальныя газетки, выходящія еженедѣльно, одна въ Будапештѣ („Недѣля“), другая въ Унгварѣ („Наука“) и печатающіяся т. н. „язычьемъ“, т. е. на конгломератѣ словъ изъ языковъ—украинскаго, церковно-славянскаго, русскаго и мадьярскаго. Онѣ не имѣютъ, однако, никакого вліянія на народъ, что и весьма понятно, т. к. онѣ не интересуются насущными нуждами народа, и если касаются ихъ иногда, то лишь слегка и издалека, облекая все въ туманную форму, чтобы не прогнѣвить Мадьяръ. Для „Недѣли“ такое положеніе понятно: она издается на правительственныя деньги и преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, популяризаторскія цѣли по вопросамъ сельскаго хозяйства. Но „Наука“,— считающая себя независимымъ органомъ, должна бы имѣть совѣмъ иной характеръ. А между тѣмъ, она предлагаетъ своимъ читателямъ одну мертвечину. Для ея характеристики приведу нѣсколько заголовковъ передовыхъ статей „Науки“. Всякій признаетъ, что въ XVI—XVII вв. они, пожалуй, еще-бъ отвѣчали своей цѣли, но въ XX— сильно запоздали. Я выбралъ ихъ лишь изъ самыхъ послѣднихъ номеровъ. Вотъ они: „Покайтесь и исповѣдуйтесь. Трезвенность православнаго христіанина. Новая каплица—новый престоль. Крещеніе славянъ. О нашихъ нынѣшнихъ язвахъ (съ клерикальной точки зрѣнія). Индиктъ епископа нашего. На пятидесятницу. Житіе и страданіе св. апостола Іакова, брата Господня. Достоинство (а въ слѣдующей статьѣ: родословіе) св. Іосифа Обручника, пр. Дѣвы Богородицы. Размышленіе о Благовѣщеніи, о постномъ поведеніи. О совѣтномъ и успѣшномъ проповѣданіи Слова Божіяго“—и т. д. Кромѣ этихъ статей сообщается еще немного про событія, главнымъ образомъ, про убійства, кражи, всякія сенсаціонныя происшествія, нѣсколько анекдотовъ, нѣсколько строкъ про дѣянія высокопоставленныхъ лицъ— и вотъ весь номеръ! За то никогда не встрѣтите малѣйшаго упоминанія о политическихъ правахъ Русиновъ, про ихъ угнетеніе, про національное движеніе среди другихъ украинцевъ, про экономическое положеніе и способы его улучшить, про необходимость національной организаци и т. д. Также точно не говорятъ ни слова объ газетки про національное движеніе среди другихъ не-мадьярскихъ народовъ въ Венгріи,— словаковъ, сербовъ, румынъ, нѣмцевъ. Лишь-бы не мѣшались не въ свое дѣло и не наклеивать на себя бѣды! Дошло до того, что даже имя „Русинъ, Руснакъ“ считается у нихъ неблагонадежнымъ и они охотно замѣняютъ его терминомъ „мы греко-каатолики, мы греко-каатолическій народъ“. Необходимо знать, что въ Венгріи есть

много еще греко-католиковъ (уніатовъ) Румынь, — словаковъ и мадьяръ, и этотъ терминъ выдумали „хитрые угророссы“ имѣя въ виду всѣхъ послѣднихъ, чтобы имѣть возможность всегда сказать: „Мы такіе же мадьяры, какъ и вы, только греко-католики“. Три или четыре года тому назадъ въ Будапештѣ было основано общество съ чисто филантропическими цѣлями помощи недостаточнымъ учащимся. Въ газетахъ было напечатано, что оно „русинское“, но въ статутѣ и въ официальныхъ документахъ это слово выброшено, а чтобы къ обществу не предъявляли претензій другія народности, оно названо „обществомъ для греко-католиковъ мукачевской и прышевской епархій“, т. е. именно къ этимъ епархіямъ и принадлежать Русины, хотя тамъ живутъ и другія народности, но въ значительномъ меньшинствѣ.

Число угорскихъ украинцевъ доходитъ до полу-милліона *). Все это простой, темный и страшно бѣдный народъ, даже въ пустынныхъ горныхъ округахъ Прикарпатья опутанный сѣтью всевозможныхъ кулаковъ-эксплуататоровъ, обремененный большими государственными налогами, которые еще можно вынести на урожайныхъ венгерскихъ низинахъ, но весьма трудно въ пустынномъ Прикарпатѣ. Поэтому жизнь его нельзя назвать даже жизнью, а скорѣе—прозябаньемъ, и кто хоть разъ видалъ чѣмъ эти люди питаются (почти однимъ картофелемъ), тотъ, вѣроятно, не удивится, что у нихъ нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ запросовъ о хлѣбѣ насущномъ. Дошло до того, что само мадьярское правительство должно было сложить всѣ недомыслия и начать среди нихъ т. н. „рутенскую“ дѣятельность, (такъ называютъ ее даже угрорусскія газетки), состоящую въ томъ, что правительство устраиваетъ въ селахъ ссудныя кассы, которыя даютъ русинскимъ горцамъ дешевый кредитъ, старается завести кое-гдѣ различныя отрасли домашняго промысла, подходящаго для горныхъ мѣстностей, отдаетъ въ аренду государственныя (или же снимаемая для этой цѣли у частныхъ владѣльцевъ) земли, главнымъ образомъ, пастбища, предоставляетъ горцамъ работу при желѣзныхъ дорогахъ шоссейныхъ нутяхъ и т. п.

Угрорусской интеллигенціи не существуетъ. Есть, правда, довольно значительное количество священниковъ, дьячковъ, учителей, горсточка чиновниковъ, вышедшихъ изъ народа, но всѣ они причисляютъ себя къ мадьярамъ и ничѣмъ не интересуются внѣ предѣловъ Венгріи.

*) Сколько ихъ въ точности—неизвѣстно, т. е. нигдѣ въ мірѣ не фальсифицируется такъ статистика народностей, какъ въ Венгріи,—съ цѣлью показать возможно большее число мадьяръ, поэтому официальные статистическія данныя не имѣютъ никакой цѣны.

Воспитанные въ глухой провинціи, не знающіе никакихъ языковъ кромѣ мадьярскаго, не читающіе ничего, кромѣ мадьярскихъ газетъ и книгъ, они очень мало образованы, и къ тому же они очень боязливы, особенно бояться подозрѣній въ нелояльности по отношенію къ мадьярамъ. Поэтому они не вмѣшиваются ни во что и даже не принимаютъ сколько-нибудь замѣтнаго участія въ „рутенской“ дѣятельности. Вотъ до чего можетъ довести людей боязливость и неслыханный сервиллизмъ, доходящій до самоуничтоженія. И развѣ могутъ такіе люди быть вождями народа, какъ это бываетъ всюду съ интеллигенціей, развѣ могутъ они сдѣлать что-нибудь полезное для народа? Они довели, напримѣръ, положеніе до того, что одинъ изъ нихъ пишетъ такія вещи: „Въ моемъ родномъ селѣ около 2000 жителей Русиновъ и ужасъ! Изъ нихъ не больше какъ 6, умѣютъ читать и писать! Мнѣ стыдно, что я русинъ“.

Правда, мадьяры — страшно шовинистическая нація, совершенно безцеремонная по отношенію своихъ немадьярскихъ согражданъ. Съ ними не можетъ ужиться никто, заявившій открыто, что онъ не мадьярскій патриотъ, но, допустимъ, румынскій или словацкій. Литература объ отношеніи мадьяръ къ немадьярскимъ націямъ весьма велика и очень поучительна, хотя, къ сожалѣнію, мало извѣстна за предѣлами Венгріи. Примѣръ мадьярскаго шовинизма мы видимъ даже въ новоизбранномъ парламентѣ. Когда словацкій депутатъ Юричъ жаловался на нарушеніе депутатской неприкосновенности мадьярскими жандармами и преспль парламентъ разсмотрѣть его жалобу, „не обращая вниманія на то, что я словакъ“, то при этихъ словахъ одинъ мадьярскій депутатъ воскликнулъ: „такъ значитъ, врагъ отечества!“ И президентъ долженъ былъ протестовать противъ того, чтобы кто-нибудь дѣлалъ подобныя замѣчанія безъ доказательствъ. Когда же, другой разъ, румынскій депутатъ Мигали жаловался на злоупотребленія при выборахъ и заявилъ, что это просто выдумка, будто бы румынское духовенство подстрекало народъ, — его прервалъ одинъ мадьярскій депутатъ, крикнувъ: „Молчать!“ Это лишь весьма неяркій примѣръ мадьярскаго джентльменства. И все же мадьяры въ глазахъ почти всей Европы, по крайней мѣрѣ въ глазахъ европейской прессы, считаются какимъ то рыцарскимъ народомъ, необыкновенно преданнымъ свободѣ и героическимъ борцамъ за нее. Этотъ взглядъ укоренился еще въ 1849 году, во время венгерской революціи противъ австрійскаго правительства, при чемъ въ Европѣ принимался во вниманіе лишь фактъ выступленія противъ правительства, но никто не вникалъ глубже въ его причины, никто не обратилъ вниманія, что это лишь боролось *дворянство* за свои *при-*

вилегіи, которыхъ оно дѣйствительно и добилось, и при посредствѣ которыхъ оно угнетаетъ до сего времени не только всѣ немадьярскіе народы, но и непривилегированную массу своего же народа, хотя за послѣднимъ въ законодательствѣ и признаны нѣкоторыя льготы. Пора бы уже отрѣшиться отъ иллюзій и видѣть въ мадьярахъ лишь то, что они дѣйствительно изъ себя представляютъ.

Но даже и при всемъ томъ возможна кое-какая національная работа, доказательствомъ чему служатъ словаки, сербы и румыны, имѣющіе свои школы, свои національныя учрежденія, свои газеты, свою сознательную интеллигенцію. Они послали въ новый парламентъ—несмотря на правительственный терроръ—своихъ депутатовъ (свыше 20 человекъ, изъ нихъ 4 серба, 8 словаковъ, остальные—румыны), которые составили коалицію и, какъ солидная оппозиціонная группа, не мало способствовали ослабленію мадьярскаго господства; не присоединились къ коалиціи только нѣмцы, которыхъ мадьяры своевременно задобрили, предоставивъ имъ нѣкоторыя уступки и — Русины, которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ въ парламентѣ. Въ дѣйствительности были избрапы два русинскіе священника — Михаилъ Аргимъ и Андрей Дудичъ, и одинъ судья—Георгій Негребецкій, но всѣ они, какъ „греко-католики“, записались мадьярами и въ мадьярскіе клубы, при чемъ всѣ трое—въ разные клубы: Негребецкій — въ конституціонный, Аргимъ присоединился къ народной партіи (клерикальной), а Дудичъ—къ кошутовской, стоящей теперь у государственнаго кормила и самой шовинистической пзъ всѣхъ прочихъ. Правда, три депутата, хотя бы они и образовали національный клубъ, не много бы успѣли и даже въ союзѣ съ немадьярской коалиціей не добились бы никакихъ правъ для русиновъ въ виду полного преобладанія мадьяръ. Но самый фактъ существованія депутатовъ Русиныхъ имѣлъ бы большое моральное и національное значеніе, или, по крайней мѣрѣ, показывалъ бы, что въ Венгріи еще живутъ Русины. А при теперешнемъ положеніи и моральнаго значенія нѣтъ и политическихъ пріобрѣтеній не будетъ, такъ какъ даже подъ мадьярскимъ плащемъ тѣ депутаты ничего не сдѣлаютъ для своихъ русиновъ, какъ для національности. Ужъ скорѣе можно было кой-чего достигнуть, выступая въ качествѣ русиновъ мадьярофиловъ, для чего и вступаютъ въ мадьярскія партіи, но, очевидно, они не желаютъ выступать подъ позорнымъ для нихъ именемъ „русины“.

Между тѣмъ угорскіе русины могли бы имѣть болѣе солидное представительство въ парламентѣ, если бы вообще выступали какъ національная группа, просвѣщенная, сознательная и соответствующимъ образомъ организованная. Обладая политическимъ воспитаніемъ,

вожди русиновъ могли бы входить въ союзы съ другими партіями, и за поддержку союзника въ одномъ, могли бы провести своего кандидата въ другомъ округѣ. Но при современномъ положеніи вещей объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Вообще, національное положеніе угорскихъ русиновъ безотрадное, и нѣтъ даже надежды на его улучшеніе въ ближайшемъ будущемъ. Живое національное движеніе немадьярскихъ народовъ, пожалуй, могло бы отразиться на молодежи, но и ей пришлось бы выдержать борьбу прежде всего—не съ чужими,—а со своими, изъ-за пробужденія своего народа. При теперешней школьной мадьярской системѣ трудно, однако, рассчитывать на молодежь, а на старую интеллигенцію приходится разъ на всегда махнуть рукою. А между тѣмъ безъ интеллигенціи нѣтъ доступа къ народу, и въ этомъ весь трагизмъ положенія.

Вол. Гнатюкъ.

Жа Украшѣ.

(Крестьяне и Гос. Дума).

Деревня мѣняетъ свою фзіономію. То радостное, оптимистическое настроеніе, съ какимъ крестьяне встрѣчали открытіе Думы, понемногу разсѣвается и замѣняется другимъ, болѣе хмурымъ и озлобленнымъ. Созывъ Думы вызвалъ нѣкоторый антрактъ въ агрессивныхъ дѣйствіяхъ крестьянства; лучъ надежды, блеснувшій истомлевному народу, пріостановилъ стихійное проявленіе накопившагося недовѣрія и озлобленія. Проводы депутатовъ въ Думу, затѣмъ наказы и привѣтствія имъ—все это служило громоотводомъ для накопившагося въ воздухѣ электричества. Это для близорукаго взгляда могло давать иллюзію успокоенія деревни, давало поводъ думать, что опасность стихійнаго народнаго взрыва миновала и что можно поэтому вновь приняться за старое. Такого взгляда, повидимому, держался кабинетъ министровъ, который не только прочелъ свою декларацію передъ Думой, но и разослалъ ее въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ въ деревню—для ея назиданія и полного успокоенія. Какое, однако, жалкое недомысліе! Если народъ добивался ея,—то вовсе не затѣмъ, чтобы все осталось по старому, какъ это предлагасть кабинетъ министровъ въ своей деклараціи. Послѣдняя должна была самымъ недвусмысленнымъ образомъ раскрыть глаза народу на дѣйствительныя намѣренія правительства и воочію показать ему,—что борьба не можетъ еще считаться оконченной, а лишь вступаетъ въ новый фазисъ. Декларация производить впечатлѣніе, обратное тому, какого ожидаетъ правительство. Монастырищенскій корреспондентъ „Народной Пользы“, напрямѣръ, пишетъ, что крестьянинъ, прочитавши отвѣтъ министерства, краснѣетъ, блѣднѣетъ: „Боже мій! ні землі, ні волі! ох, наше горе тяжке, що ми будемъ робити? що буде з нами?“ Въ г. Таращѣ декларація въ громадномъ количествѣ была расклеена на улицахъ и въ штейныхъ заведеніяхъ. На крестьянъ, какъ и на городское населеніе, она произвела самое невыгодное для бюрократіи впечатлѣніе:

нѣкоторые при чтеніи сокрушенно качали головой, большая же часть уходила съ ругательствами. Спустя короткое время почти всѣ листы были сорваны. Это не повредилось мѣстной полиціи—и вотъ 28-го мая полиція вторично расклеила декларацию. („Рѣчь“). „Нужно было видѣть состояніе крестьянъ,—говоритъ звенигородскій (кіев. г.) корреспондентъ „Н. Ж.“, когда они прочли знаменитую горемыкинскую декларацию: „вѣтъ,—воскликнулъ одинъ,—ничего, видно, добромъ не сдѣлаешь“. Въ общемъ настроеніе деревни нервное, тревожное, крестьянство сильно возбуждено. Чувствуется, что только Дума въ силахъ сдержать разгорѣвшіяся страсти: не дасть она ничего или разгонять ее,—начнется нѣчто ужасное, страшное по своей силѣ, грозное по своей стпхійности. Въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто хоть мало-мальски поживетъ въ деревнѣ.

„Крестьянство, пишетъ корреспондентъ „Рѣчи“, въ особенности негодуетъ на декларацию и безъ всякихъ обиняковъ заявляетъ открыто, что „придется самимъ приниматься за дѣло“. Населеніе пока еще ждетъ, надѣясь на лучшій исходъ, т. е. на новое министерство, расположенное къ реформамъ. На долго ли хватитъ терпѣнія, сказать не легко, такъ какъ тяжелое время, переживаемое населеніемъ губерніи по случаю неурожая, отсутствіе заработковъ въ экономіяхъ, старающихся сократить насмъ рабочихъ, безчинство мелкихъ властей и т. д.—все это подходящая почва для возникновенія волненій. И сейчасъ уже мѣстами слышны призывы: „палить панскій хлѣб“. Это, несомнѣнно, случится, если земельная нужда крестьянъ не будетъ скорѣмъ же удовлетворена“. Дѣятельность Думы и тѣ препятствія, какія она встрѣчаетъ на своемъ пути,—вызываетъ глубочайшій интересъ среди крестьянскаго населенія, являются предметомъ постоянныхъ оживленныхъ толковъ. „Въ Житомирѣ въ послѣднее время городскіе базары въ каждый базарный день представляютъ изъ себя настоящіе митинги. Пріѣзжающіе на базары крестьяне больше теперь интересуются внутренней политикой и, главнымъ образомъ, дѣлами государственной думы, чѣмъ торговлей. Многіе изъ крестьянъ даже появляются въ городъ съ исключительной цѣлью „побалакати з людьми про теперешні дѣла“. Въ большинствѣ разговоры крестьянъ вращаются около земельного вопроса и, прислуниваясь къ этимъ разговорамъ, нельзя не обратить вниманія, что въ бесѣдахъ этихъ проскальзываютъ фразы довольно не двусмысленнаго содержанія: „хѣба міністри старші од Думи!.. Яке вони мають право не дати намъ землі!“—говоритъ одинъ взволнованный мужичекъ. „А хѣба ми й сами не потрапемо взяти землю... візьмемъ!“—ораторствуетъ другой. „Як зберемо всі до купи, етовчимъ

ворогів як въ ступі!“—злобно vykрикуєть третій. „Не підем літом до панів на роботу“—слышится въ другой группѣ крестьянъ. „А в осени ні одного рекрута не дамо!“—поддерживаетъ второй. „Э, нам таки Дума щось зробить“,—усуокаивающе пронзосить почтенный старикъ („Волянъ“).

Такое тревожное настроеніе крестьянской массы, казалось бы, должно обяывать правительство къ большой осторожности, чтобы не вызвать безцѣльныхъ кровавыхъ конфликтовъ. Но въ дѣйствительности видимъ, что оно по прежнему катится все по той же неизмѣнной плоскости „ужаса и безумія и сознательно провоцируетъ столкновения. Членъ Думы Хрущовъ въ концѣ мая уѣзжалъ въ воронежскую деревню къ своимъ избирателямъ и такъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ этой поѣздки. „Я видѣлъ глубокую вѣру крестьянъ въ могущество Думы, интересъ къ которой положительно захватилъ всю деревню. За думу крестьяне хватаются, какъ за послѣднюю еще не угаснувшую надежду на мирное разрѣшеніе столь остраго у насъ земельного вопроса. „Старайтесь тамъ за пашъ какъ ни можно лучше, а здѣсь мы васъ поддержи́мъ“. Но въ рѣчахъ многихъ звучатъ уже тревожныя ноты, „а что имъ дѣлать, если Думу распустятъ и не удовлетворятъ ея требованій“ и видно, что готовы они немедленно при первомъ толчкѣ стряхнуть съ себя весь тотъ гнетъ произвола, который такъ давитъ ихъ, а мѣстная администрація въ лицѣ губернатора Бибикова, вдохновляемаго свыше, продолжаетъ переполнять чашу народнаго терпѣнія.

Я видѣлъ возбужденіе народа, готовое вотъ-вотъ вырваться наружу въ самой дикой и нелѣпой формѣ, считалъ себя нравственно обязаннымъ употребить всѣ мѣры къ успокоенію населенія, внушивъ имъ не терять еще надежды на мирное разрѣшеніе ихъ земельной нужды Думой. Въ моемъ распоряженіи было два дня и въ одинъ изъ нихъ съ молчаливаго согласія полиціи мною было назначено въ г. Землянкѣ публичное собраніе для доклада о дѣятельности Думы. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по селамъ, должностныя лица, старосты, старшина и даже земскій начальникъ Маринъ считали такое собраніе необходимымъ... а ночью были вызваны казаки, конные стражники, воинская команда, и городъ былъ кольцомъ окруженъ ими и никто подъ страхомъ нагайки проникнуть туда не могъ. Это было сдѣлано по телеграммѣ губернатора Бибикова, не разрѣшившаго собранія на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, и усердный исправникъ казаками разгонялъ мирныхъ обывателей, желавшихъ поговорить о Думѣ.

Чего же добился г. Бибиковъ? Еще большаго озлобленія крестьянъ

къ гг. чиновникамъ и еще большаго интереса къ работамъ государственной Думы, за сообщеніе о дѣятельности которой даже разгоняютъ собраніе. Крестьяне, расходясь изъ города, говорили, что имъ повидимому остается одно: взять дубинку въ руки и бить всѣхъ, кто только съ форменными пуговицами!

Администрація принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры къ тому, чтобы вложить дубинку въ руки крестьянину. Всѣ закономѣрные дѣйствія народа противъ грубаго произвола и насилія встрѣчаютъ самый ожесточенный отпоръ и преслѣдованіе со стороны столь многочисленныхъ крестьянскихъ начальствъ, толкающихъ его на путь революціи в тѣхъ грозныхъ гекатомбъ и иллюминацій, при одной мысли о которыхъ становится жутко. Дикое воспрещеніе губернаторомъ Вбликовымъ бесѣды члена Государственной Думы со своими избирателями не является чѣмъ нибудь исключительнымъ. Ежедневно газеты полны сообщеніями о запрещеніяхъ всякаго рода собраній для обсужденія текущихъ дѣлъ. Стоитъ только, чтобы обыватель, въ особенности крестьянинъ, обнаружилъ интересъ къ текущимъ событіямъ, выразилъ такъ или иначе, хотя бы чисто платонически, свое отношеніе къ нимъ,—бдительное начальство тутъ какъ тутъ— и уже тащить и не пукаетъ. По сообщенію въ „Отголоски Жизни“, мировой посредникъ липовецкаго уѣзда Душенькевичъ, такъ безуспѣшно фабриковавшій патріотическіе адреса за подписью нѣсколькихъ человѣкъ отъ пмни многочисленнаго населенія, обнаружилъ новос „революціонное гнѣздо“—на этотъ разъ въ с. Лукашовѣ, липовецкой волости. Дѣло въ томъ, что мѣстные безземельные крестьяне, прочитавъ въ газетахъ вносимый въ Государственную Думу законопроектъ по аграрному вопросу, естественно, выражали свою радость. Немедленно командированъ былъ для ознакомленія съ настроеніемъ крестьянъ приставъ 2 стана. На третій день въ с. Лукашовѣ выѣзжала специальная комиссія, въ лицѣ мирового посредника Душенькевича, волостного старшины, писаря и представителя полиціи. Надо полагать, что г. Душенькевичъ не замедлитъ возбудить соответствующее ходатайство о выселеніи крамольныхъ лукашовчанъ, осмѣливающихся читать отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы, пзъ предѣловъ Кіевской губ.

Еще болѣе печальная судьба ожидаетъ тѣхъ, кто осмѣлится закономѣрно жаловаться на какое бы то ни было насиліе или даже просто—просить объ улучшеніи своего тяжелаго положенія. Два депутата отъ крестьянъ с. Злотвина Волинск. губ., отправленные съ жалобой на дѣйствія драгунъ, задержаны и арестованы („Рѣчь“). 9 крестьянъ села Толмача, Звенигородскаго уѣзда, имѣнія княгини

Урусовой за поданную администраціи петицію объ увеличеніи заработной платы и уменьшеніи арендной платы на землю высланы въ Вологодскую губ. („Р.“). Особенно печальная участь грозитъ тѣмъ, кто осмѣлится подать телеграмму въ Думу. Изъ Петербурга,—сообщаетъ корреспондентъ „Думы“ изъ Курска,—пришелъ къ губернатору приказъ: не допускать телеграммъ и другихъ привѣтствій со стороны крестьянъ въ Думу. Губернаторъ въ свою очередь распорядился по „вѣренной ему полиціи“ насчетъ недопусканія. Полиція принялась „не допускать“. За каждую телеграмму или привѣтствие въ кордегардіи бьютъ смертнымъ боемъ... Хатемлинскіе мужики на сходѣ порѣшили послать на имя С. А. Муромцева, привѣтственную телеграмму всей Думѣ. Составили текстъ и передали его старостѣ для отправки. Разузнала про телеграмму полиція и, памятуя приказъ, „рѣшила не допустить“. Началась охота за старостой. Охотились за нимъ долго, наконецъ, поймали его въ городѣ.

— Давай телеграмму!

— Какую?

— А ту, на имя Думы.

— Да я ужъ послалъ ее.

— Ступай въ часть.

Привели старосту въ часть къ приставу Родоничу.

— Телеграммы посылатъ въ Думу... Вей его!

Началось истязаніе. Два стражника въ присутствіи пристава истязали старосту въ продолженіе двухъ часовъ. А приставъ при каждомъ ударѣ приговаривалъ: „Вотъ это тебѣ земля, вотъ это тебѣ воля“. Только когда физиономія старосты превратилась въ одинъ окровавленный кусокъ мяса, только тогда отпустили его.

— Ступай и дай объ этомъ телеграмму въ Думу, — напутствовалъ его приставъ.

Нечего, конечно, и говорить о томъ впечатлѣніи, какое произвело на хатемлинцевъ избіеніе ихъ старосты. Вся волость только объ этомъ и говорить. Слышатся жуткія рѣчи.

Рѣчи эти принимаютъ все болѣе рѣшительное направленіе.

Золотоношскій корреспондентъ „Отголосковъ Жизни“ сообщаетъ весьма характерныя данныя изъ современной деревенской жизни въ Полтавской губ. Въ Золотоношскомъ уѣздѣ, тамъ, гдѣ населеніе безземельно, а особенно тамъ, гдѣ существовали организаціи крестьянскаго союза, собираются встрѣтить далеко не пассивно посягательство на права народа, и можно съ увѣренностью сказать, что если бюрократія рѣшится на такой опасный шагъ,—то возникнутъ крайне нежелательныя осложненія. Никто теперь не можетъ сломить твердой

надежды крестьянъ на то, „что съ землей щось буде“. Въ одномъ слѣдъ крестьяне составили планъ тѣхъ участковъ помѣщичьей земли, коп должны отойти къ нимъ, въ другомъ серьезно обсуждается вопросъ, какъ сообща обрабатывать ту землю, которая, по ихъ мнѣнію, должна имъ достаться.

Постепенно атмосфера все болѣе и болѣе сгущается. По настроенію,—сообщаетъ Курскій корреспондентъ „Нар. В.“,—можно ожидать, что крестьяне не будутъ дожидаться постановленій Думы. Они истомились ждать отъ нея рѣшенія своей судьбы и возьмутъ дѣло въ свои собственные руки.

— Если Дума будетъ разогнана, — говорятъ крестьяне,—то не останется камня на камнѣ отъ стараго строя и отъ всѣхъ его защитниковъ. „Х. Ж.“ сообщаетъ, что изъ уѣздовъ получаютъ тревожныя извѣстія. Настроеніе рабочаго и крестьянскаго населенія тревожное. Многіе довольно крупныя помѣщики въ этомъ году всѣ полевыя работы по уборкѣ хлѣба и сѣна рѣшили передать мѣстнымъ крестьянамъ, предоставляя имъ за такого рода работу извѣстную часть хлѣба и сѣна. Отъ найма рабочихъ на лѣтнія работы многіе воздерживаются. Волнуются выпѣ крестьяне Сумскаго уѣзда,—читаемъ въ „Наканунѣ“;—во многихъ мѣстахъ группы крестьянъ начали предъявлять требованія помѣщикамъ о предоставленіи имъ земли. Съ такимъ же требованіемъ обращались крестьяне къ Харитоненко, недавно посѣтившему деревню. Харитоненко отказалъ въ требованіи, прося обождать до рѣшенія этого вопроса государственной Думой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне самолично начинаютъ занимать прилежащую помѣщикамъ землю. „Настроеніе до того тревожное,—пишетъ Харьковскій корреспондентъ „Наш. Ж.“,—что помѣщики положительно отказываются нанимать рабочихъ на полевую работу; о задаткахъ, конечно, и рѣчи не можетъ быть. Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ крестьяне твердо и рѣшительно заявили: „Не допустимъ до работъ“. Положеніе поистинѣ трагическое! Одинъ помѣщикъ Купянскаго уѣзда говорилъ мнѣ на дняхъ: „У меня рабочихъ около двухсотъ человекъ въ лѣто бываетъ; съ весны я выдаю задатки; а теперь—ни одного“.

— Какъ же вы будете убирать поля?

Помѣщикъ безпомощно развелъ руками.

— Вы думаете, я одинъ? Много помѣщиковъ находится въ моемъ положеніи. Полагаемся на волю Вожью“.

„Въ виду близкой возможности большого аграрнаго движенія, помѣщики бѣгутъ изъ своихъ имѣній въ городъ“, — телеграфируютъ „Р. Сл.“ изъ Чернигова.

И приходится согласиться, что помѣщикамъ теперь ничего больше не остается дѣлать, какъ только бѣжать пзъ своихъ имѣній. По сообщеніямъ корреспондентовъ, такъ казалось прочная, стройная съ виду кулацко-кабальная система землепользования пришла въ полное разстройство. Крупные арендаторы отказываются отъ аренды, мелкіе нарушаютъ контракты, не платятъ денегъ; не смотря на массу предложеній купить земли черезъ крестьянскій банкъ, крестьяне воздерживаются отъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ на землю. А къ этому присоединяется повальный разгромъ экономій и помѣщичьихъ усадебъ. Вотъ нѣкоторые факты погромнаго мартиролога въ послѣднее время. Въ с. Юровкѣ Киев. у., крестьяне разгромили до основанія двѣ экономіи („Отг. Ж.“). Агентская телеграмма изъ Полтавы отъ 7 іюня: „вчера произошли пожары въ четырехъ экономіяхъ; сожжены солома, амбары, сарай“. Телеграмма изъ Воронежа въ „Рѣчь“: „въ Бобровскомъ уѣздѣ, въ селѣ Мечеткѣ недоразумѣнія съ владѣльцемъ, продавшимъ крестьянамъ землю. Въ селѣ Аннѣ сожжены постройки имѣнія князя Барятинскаго. Вытребованы стражники“. „Изъ г. Воронежа былъ спѣшно вызванъ отрядъ казаковъ въ имѣніе г. Паньшина, которое находится близъ села Рождественской Хавы. Причины вызова—аграрные беспорядки, имѣвшіе мѣсто въ этотъ день и развившіеся въ потравѣ крестьянами около 200 десятинъ луга, принадлежащаго Паньшину“. (В. С.“). Въ Ахтырскомъ у. (Харьк. губ.) „произошла вспышка аграрнаго движенія. Изъ рассказовъ вырисовывается слѣдующая картина. Угробдскіе крестьяне выгнали скотъ въ лѣсъ г. Кондратьева, а также на прилегающей сѣнокосъ. Скотъ былъ загнанъ владѣльцемъ земли въ сарай. Тогда крестьяне большой толпой, вооруженные чѣмъ попало, отбили свой скотъ и прогнали владѣльца. Вызванные изъ ближайшаго пункта казаки въ числѣ 8—9 были безсильны передъ толпой и покинули поле битвы. Дальнѣйшій ходъ событій пока еще не выяснился“ („Х. Ж.“). Въ Богодуховскомъ уѣз. „въ ночь съ 27 на 28 мая крестьяне села Лѣсковки выгнали свой скотъ на лугъ землевладѣльца Харитоненко, а сами, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ, укрылись въ сосѣднемъ лѣсу, оставивъ одинъ отрядъ для наблюденія за пасущимся скотомъ. Всѣ крестьяне были вооружены вилами, топорами и копьями. Около полуночи появился отрядъ казаковъ человекъ въ 25, но увидѣвъ сильную охрану крестьянъ, уѣхали“ („Х. Ж.“). Въ имѣніи Духовскаго (Хар. г.) на „ст. Мерчикѣ, 29-го мая прекратили сельско-хозяйственныя работы всѣ служащіе какъ въ экономіи, такъ и на свекловичныхъ плантаціяхъ, предъявивъ рядъ экономическихъ требованій. Къ нимъ присоединились также рабочіе мѣстной паркетной фабрики. 3 іюня изъ

Харькова туда экстренно вызваны казаки“. „Въ имѣніи наслѣдн. кн. Голицына „Должикѣ“ крестьяне учинили насліе надъ управляющимъ имѣніемъ“. И т. д., и т. д. („Нак.“).

Жизнь имѣетъ свою логику и свои права. Она не хочетъ и не можетъ терпѣливо ждать, пока къ назрѣвшему нарыву ненормальныхъ аграрныхъ отношеній подойдетъ со своимъ скальпелемъ законодатель. Послѣдній слишкомъ запоздалъ и, какъ можно судить по встрѣченнымъ въ Думѣ препятствіямъ для коренного разрѣшенія аграрнаго вопроса, можетъ придти уже къ безнадежно больному. Всѣ элементы наличнаго аграрнаго положенія создавались въ теченіе почти полустолѣтія, если не считать и всѣ нѣсколько вѣковъ русской государственности; всѣ уродливыя ненормальности существующаго аграрнаго строя нагромождались послѣдовательно и неизмѣнно, по мѣрѣ того какъ создавался и все болѣе и болѣе входилъ въ силу тотъ режимъ, законнымъ дѣтищемъ котораго и является настоящее аграрное положеніе. Поэтому и причины аграрныхъ волненій лежатъ очень глубоко и не могутъ быть устранены наружными средствами. Денутать Думы И. Л. Шрагъ вполне справедливо опредѣлилъ это положеніе, сказавъ на одномъ изъ сѣздовъ земскихъ дѣятелей, что „теперешніе аграрные безпорядки являются отрывкой стараго порядка, его наслѣдіемъ“. И само правительство про себя знаетъ истину, какъ это видно изъ недавно опубликованныхъ въ „Рѣчи“ выдержкахъ изъ официальныхъ документовъ губернскихъ и уѣздныхъ властей о причинныхъ крестьянскихъ волненій прошлаго года. Въ этихъ конфиденціальныхъ рапортахъ и донесеніяхъ, мѣстные власти съ полной откровенностью признаются, что „преступная агитація“ если и имѣла мѣсто, то лишь въ самой незначительной степени, и всюду она падала на благопріятную почву созданнаго землевладѣльцами недовольства крестьянъ, а также и общими тяжелыми экономическими условіями. Это и подтверждается фактами самаго послѣдняго времени.

Но уроки прошлаго и настоящаго ничему не научаютъ того, кто не желаетъ учиться. На всѣ краснорѣчивые уроки послѣднихъ двухъ лѣтъ земельное дворянство отвѣтило слѣдующей своего рода декларацией во всеподданнѣйшемъ адресѣ всероссійскаго дворянскаго сѣзда: „трудовое земельное дворянство не броситъ своихъ гнѣздъ, Государь, и до конца выдержитъ трудную борьбу съ революціей. Тамъ, въ деревнѣ, оно будетъ работать надъ постепеннымъ просвѣтлѣніемъ затуманеннаго и обольщеннаго сознанія крестьянъ“. Въ чемъ заключалась до сихъ поръ работа и „трудового“ земельного дворянства надъ просвѣтлѣніемъ затуманеннаго и обольщеннаго сознанія крестьянъ,—мы хорошо знаемъ, какъ такъ передъ нами на

лицо результаты этой работы—невѣжество и ипшета народной массы. И теперь трудовое земельное дворянство не сходитъ, да и не можетъ сойти со стараго испытаннаго пути „опеки“ и воздѣйствія на крестьянскую массу. Одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ дворянскаго съѣзда „херсонскій помѣщикъ кн. Трубецкій“ выписываетъ по казенной цѣлѣ въ свои имѣніе пулеметы,—очевидно, въ видахъ просвѣтленія, при помощи ихъ, затуманеннаго и оболоченнаго сознанія крестьянъ. Для той же цѣли выписываются въ имѣнія казаки, черкесы, ингуши, осетяны, черемисы и другіе полудикіе элементы для которыхъ кровавая расправа является чуть ли не родной стихіей. Къ услугамъ трудовыхъ дворянъ, значительная часть которыхъ никогда не живетъ въ своихъ помѣстьяхъ, оказываются и стражники. Какъ всѣ эти просвѣтители воздѣйствуютъ на сознаніе крестьянъ,—повѣстью объ этомъ, по словамъ поэта, — „Данта старога можна б здивувать“.

„Курская Ж.“ — сообщаетъ ужасныя подробности о встрѣчѣ казаками бѣжавшихъ изъ Новооскольской тюрьмы 180 крестьянъ, арестованныхъ за аграрные безпорядки, казаки за волосы волокли арестованныхъ, звѣрски избивали нагайками до потери сознанія, также изранено и искалѣчено много посторонней публики. Крики и вонли долго оглашали воздухъ. Изъ м. Тростянца Подольск. губ. сообщаютъ въ думскую трудовую группу, что здѣсь 4 іюня, на базарной площади въ полный разгаръ торга, было личное столкновение крестьянки съ черкесомъ ингушемъ, перешедшее въ драку. Обиженный бабой ингушъ собралъ 25 вооруженныхъ винтовками, шашками и кинжалами ингушей, безъ команды офицера прибѣжали на базарную площадь, и сталъ жестоко мстить мирному населенію и расправился съ нимъ. Въ результатѣ расправы оказалось—убито на поваль 5, смертельно ранено 7 человекъ и легко раненыхъ 20—25 человекъ. „Десна“ сообщаетъ рядъ фактовъ изъ дѣйствій мѣстной охраны. Въ д. Мокрая Велички, Черниг. губ., 15 мая женщины съ дѣтьми отправились за ягодами въ лѣсъ графа Милорадовича. Запрещенія ходить въ лѣсъ, собирать грибы и землянику не было. Но вотъ послышался лошадиный топотъ и на женщинъ и дѣтей налетаютъ казаки и стражники (человекъ 25). Поднялся вопль, плачь и проклятія. Казаки догоняли бабъ и нещадно били ихъ нагайками. Въ результатѣ болѣе 25 душъ избитыхъ.

И подобные факты такъ и пестрятъ на страницахъ газетъ. Легко представить, какое озлобленіе вызываютъ дѣйствія этихъ головорѣзовъ. По отношенію къ стражникамъ, — сообщаетъ „Современникъ“ о харьковской и полтавской губ.—крестьяне стали проявлять страш-

ную злобу и то и дѣло грозили ихъ убить. Стражники, опасаясь крестьянъ, перестали объѣзжать имѣнія по одному, и выѣзжаютъ обыкновенно небольшими отрядами. Враждебное отношеніе крестьянъ къ стражникамъ еще болѣе обострилось. Въ департаментѣ полиціи получена телеграмма отъ Полтавскаго губернатора, что въ селѣ Хорошкахъ, Лубенскаго уѣзда, убитъ книжаломъ стражникъ Бушенко. Убийство произвело сильное впечатлѣніе на стражниковъ, которые просятъ отпустить ихъ на волю. На крестьянъ же, наоборотъ, убійство произвело совершенно иное впечатлѣніе. Они совершенно игнорируютъ и мѣстное начальство, и стражниковъ. Положеніе стало острѣе.

Столкновенія съ охранниками стали въ послѣднее время самымъ обычнымъ явленіемъ, при чемъ престижъ ихъ непобѣдимости уже значительно разрушенъ. Вотъ нѣсколько фактовъ. Въ д. Мельцы пріѣхали 4 „охранителя“: 2 донскихъ казака и 2 черкеса и начали буянить.

Выведенные изъ терпѣнія крестьяне взяли за дубины и начали выпроваживать „дорогихъ“ гостей. Послѣднимъ пришлось спасаться бѣгствомъ, они наскочили на игравшихъ на улицѣ дѣтей, одного сшибли съ ногъ, а другого 4-хъ лѣтняго ребенка искалѣчили, такъ что его пришлось отправить въ больницу. („Колоколь“).

Въ Воронежской губ. въ Крутыхъ Горкахъ, задонскаго у. произошло столкновеніе полиціи съ крестьянами. Послѣдніе дрались вилами, кольями, косами и топорами. Два стражника убиты. („Р.“)

Въ Ольховаткѣ, Острогожскаго уѣзда, на ярмаркѣ произошло столкновеніе крестьянъ съ казаками. Послѣдніе безобразничали, угрожали крестьянамъ и одному разсѣкли голову. Вся ярмарка возмутилась и, вооружившись оглоблями, дугами, кольями, избила казаковъ („Р.“).

Въ с. Горбачевѣ Летпч. у. Подольск. губ. нѣкоторые крестьяне были избиты стражниками за самовольную пастьба скота на помѣщичьей толокнѣ. Узнавъ объ этомъ насиліи, крестьяне всего села собрались и, вооружившись домашнимъ оружіемъ—кольями, вилами и т. д., принялись избивать стражниковъ. Стражники спаслись бѣгствомъ („Р.“).

Въ с. Литвиновку, Кіевскаго уѣзда, въ имѣніе Синельникова передъ Пасхой на случай безпорядковъ были присланы 10 стражниковъ, которые часто безъ всякаго повода расправлялись съ крестьянами нагайками. На-дняхъ терпѣніе крестьянъ истощилось и они вооружившись палками и вилами, выгнали стражниковъ изъ своего села. („К. З.“). Крестьяне села Ляховцы Бердич. у. Кіев. губ.

захватили помѣщичьи пастбища въ 60 десятинъ. Вызванные двое стражниковъ бѣжали. Тогда вызвали 25 стражниковъ, но и эти тѣже бѣжали, побросавъ оружіе.

Неудивительно послѣ этого, что многіе стражники, набранные изъ тѣхъ же крестьянъ, начинаютъ тяготиться своимъ положеніемъ и подъ опасеніемъ местн со стороны населенія отказываются отъ службы; большинство же, оставаясь на хлѣбной выгодной службѣ, фактически оказывается безсильнымъ исполнять возложенную на него миссію и „бѣжить побросавъ оружіе“, къ большому соблазну устрашаемаго населенія.

По этому поводу 30 мая въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ получено отъ полтавскаго губернатора тревожное извѣстіе о положеніи дѣлъ въ Полтавѣ и губерніи; губернаторъ докладываетъ, что къ нему ежедневно поступаютъ ходатайства изъ уѣздовъ отъ мѣстной администраціи и владѣльцевъ имѣній о командировкѣ имъ въ помощь войсковыхъ патрулей; крестьянское населеніе совершенно игнорируетъ отряды земскихъ стражниковъ, потерявшихъ всякое значеніе. Къ этому „Десна“ изъ достовѣрнаго источника сообщаетъ, что на распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, отданное полтавскому губернатору, о посылкѣ въ уѣзды небольшихъ войсковыхъ отрядовъ для охраны помѣщичьихъ имѣній, послѣдовалъ отъ полтавскаго губернатора отвѣтъ, что посылать солдатъ мѣстнаго гарнизона въ села и деревни является въ настоящій острый моментъ чрезвычайно опаснымъ: между войскомъ и крестьянствомъ губерніи завязались прочныя отношенія; связующимъ звеномъ являются члены революціонныхъ организацій; бывали случаи, когда солдаты слишкомъ охотно шли въ деревню; губернаторъ заявилъ, что онъ въ этомъ усматриваетъ что-то подозрительное и опасное, и хлопоталъ о посылкѣ въ уѣзды Полтавской губерніи войскъ изъ другихъ военныхъ округовъ.

Такимъ образомъ, послѣдній оплотъ стараго режима — грубая физическая сила — самъ собою начинаетъ рушиться.

Spectator.

Одесская „Просвіта“ *).

Украинское освободительное движение в г. Одессе, сдавленное со всех сторон, как и везде, нивелирующим и враждебным всякой свободе бюрократическим режимом, долгое время не могло проявить себя надлежащим образом и пряталось в тайниках общественной конспирации. Будучи, однако, явлением глубоко жизненным и черпая свои силы в историческом демократизме украинского народа, оно, несмотря на все неслыханные, не испытанные многими нациями преследования, как только наступал благоприятный момент, сразу же заявляло о своем существовании тем или иным способом. Очагами такого движения в г. Одессе были две „громады“—старая, существующая с шестидесятих годов, и молодая, студенческая, организовавшаяся в 1902 г. Обе „громады“ в своей деятельности помогали друг другу и дополняли одна другую, но не могли проявить организационной работы, так как в широких массах необходимое для этого национальное самосознание едва теплилось. Оно было придавлено господствующей политикой обрусения и обезличения украинского народа, у которого безцеремонная рука властных ассимиляторов и централистов, совершенно отрицавших свою деятельность высокогуманный этический принцип равного достоинства людей, к какой бы национальности и религии они не принадлежали, энергично убивало национальное самосознание, чувство достоинства, культуру, общественность и демократические идеалы.

Решительный момент в освободительном национальном движении украинцев наступил в 1903 г., когда в Полтаве праздновалось столетие существования новой украинской литературы и открытие памятника виновнику этого торжества Котляревскому. Огромный

*) По-русски—просвѣщеніе.

съѣздъ въ Полтавѣ украинской публки, инцидентъ съ запрещеніемъ говорить на праздникѣ украинскаго слова на украинскомъ языкѣ, масса напечатанныхъ въ южныхъ газетахъ статей о значеніи Котляревскаго, какъ національнаго поэта въ исторической перспективѣ, съ фиксированіемъ вниманія читателя на прошлѣ и современномъ положеніи Украины и украинскаго народа, все это вмѣстѣ всколыхнуло массу, разбудило ея мысли и чувство человѣческаго достоинства и ясно указало, что путь, по которому направленъ украинскій народъ, приведетъ лишь къ смерти и полному ничтожеству. Въ Одессѣ пробужденіе національнаго самосознанія ярко выразилось хотя бы въ томъ фактѣ, что на устроенную обѣими „громадами“ лекцію о Котляревскомъ въ городскую аудиторію, вмѣщавшую до 2000 человекъ, собралось столько, что для 1000 душъ не хватило мѣста и по ихъ просьбѣ лекцію пришлось повторить. Всѣ сочиненія Котляревскаго послѣ этого въ теченіе 2—3 дней въ г. Одессѣ были раскуплены.

Начавшееся засимъ въ Россіи освободительное движеніе, захватившее широкой волной и національныя организаціи угнетенныхъ народностей, дало новый и на этотъ разъ уже не только сильный, но и окончательный, рѣшительный толчекъ національному самосознанію украинцевъ въ г. Одессѣ. Никому невѣдомые до этого люди, разныхъ слоевъ общества и разныхъ положеній, начиная отъ чернорабочихъ и кончая чиновниками, стали заходить къ старымъ и молодымъ „громадянамъ“, просили дать имъ указанія относительно литературы украинскаго вопроса и движенія, выразили желаніе организовать въ Одессѣ украинское просвѣтительное общество и подали мысль покрыть Украину сѣтью „Просвіт“, организованныхъ по образцу одноименныхъ украинскихъ обществъ въ Галиціи. Уставъ „Просвіти“ былъ выработанъ въ нѣсколько дней и представленъ на утвержденіе. Задачи новаго украинскаго общества сводились къ помощи культурно-просвѣтительному развитію украинскаго народа. Для этого общество поставило своей обязанностью изданіе на украинскомъ языкѣ книжекъ, брошюръ, газетъ и т. п., открытія читаленъ, библіотекъ, книжной торговли и т. п., устройство публичныхъ лекцій, чтеній докладовъ, курсовъ, спектаклей, литературно-вокально-музыкальныхъ вечеровъ и т. п., учрежденія школъ, яслей, пріютовъ и т. п. благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учреждений.

Новое общество, воспринявъ въ себя свѣжія общественныя силы, не ожидало утвержденія устава и сразу же приступило къ исполненію своихъ задачъ. Такъ, для ознакомленія широкихъ общественныхъ

слоевъ съ исторіей, потребностями и стремленіями украинскаго народа въ прошломъ и настоящемъ, были устроены одинъ за другимъ два украинскіихъ митинга, на которыхъ впервые въ Россіи произнесены были рѣчи на украинскомъ языкѣ. На вѣчахъ перебувало нѣсколько тысячъ посѣтителъ и національное украинское освободительное движеніе, направившись въ рабочіе слои населенія, сразу же замѣтно выросло. Вскорѣ былъ полученъ утвержденный 25 ноября 1905 г. уставъ, создано собраніе учредителей, избрано правленіе изъ 12 членовъ общества, выработана программа дѣятельности и открыта запись въ члены. Членскій взносъ опредѣленъ въ 1 р. въ годъ и по 15 коп. за каждое посѣщеніе лекцій, докладовъ и вечеровъ. Въ настоящее время въ обществѣ 450 членовъ. Люди другихъ націй, живущихъ на территоріи Украины, ознакомившись на митингахъ съ характеромъ украинскаго движенія, стали посѣщать вечера „просвітянъ“ и многіе изъ нихъ записались и приняты въ число членовъ общества. Такимъ образомъ, кромѣ украинцевъ, общество „Просвіта“ имѣетъ въ своемъ составѣ также поляковъ, евреевъ, великоруссовъ, литовцевъ, грековъ и другія національности. Положенный въ основаніе организаціи и дѣятельности общества принципъ равнаго достоинства всѣхъ людей и демократическая исходная точка зрѣнія проводится въ обществѣ во всей строгой послѣдовательности.

Дѣятельность общества съ Января 1905 г. выразилась въ слѣдующемъ:

I. Организованы лекціонный и литературный комитеты, на обязанности которыхъ лежитъ устройство по средамъ научно-популярныхъ лекцій, а по субботамъ литературныхъ вечеровъ.

II. Организованы вокально-музыкальный и драматическій комитеты, на обязанности которыхъ лежатъ устройство по субботамъ вокально-музыкальныхъ вечеровъ и спектаклей. Для этого въ настоящее время при „Просвітѣ“ организованъ смѣшанный хоръ изъ 70 человекъ и нмѣются хормейстеръ и акомпаніаторъ (оба за плату).

За короткое время существованія „Просвіты“ были прочтаны слѣдующія лекціи: три лекціи по антропологіи (характеристика и отличія украинскаго великорусскаго и польскаго типовъ), объ украинскихъ казакахъ, о запорожскихъ казакахъ, откуда взялись подъ Одессой села Бѣляевка и Яська (исторія превращенія полтавскихъ казаковъ въ крѣпостныхъ и переселенія ихъ на надѣлы съ конфискаціей ихъ земли въ пользу помѣщика Базилевскаго), о запорожскихъ вольностяхъ (земельный вопросъ), о братствахъ на Украинѣ (культурная, политическая, экономическая и просвѣтительная дѣя-

тельность самого народа), объ украинскихъ кобзаряхъ, о марксизмѣ, о Гребенкѣ, объ образованіи законовъ (законодательная дѣятельность въ государствахъ конституціонныхъ и др.), о превращеніи казаковъ въ крѣпостныхъ, о федеративно-автономныхъ основаніяхъ присоединенія Украины къ Москвѣ, объ отношеніяхъ украинцевъ и поляковъ въ Галиціи объ украинской музыкѣ и дѣятельности Н. В. Лисенка, о названіяхъ: Украина, украинскій, Малая и Великая Россія, малороссъ и великороссъ (историч. очеркъ), о прошломъ украинскаго народа въ политическомъ, экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ, о Палиѣ, Мазепѣ, Старпцкомъ, Шевченкѣ, Стефаникѣ, Бордулякѣ, Лесѣ Украинкѣ, Рудницкомъ, Франкѣ, Антоновичѣ и др. общественныхъ, политическихъ, научныхъ и литературныхъ дѣятеляхъ украинскаго народа. Всего прочитано было 23 лекцій, причемъ лекціи читались и дебаты велись на украинскомъ языкѣ.

Лекторами были юристы, учителя, писатели и 4 студента, сдѣлавшіе 5 научно-популярныхъ докладовъ. Одну лекцію прочиталъ полякъ.

Хоръ пѣлъ на вечерахъ каждую субботу. Вообще въ субботнихъ вечерахъ принимали участіе многія лица въ качествѣ чтецовъ, декламаторовъ, пѣвцовъ (соло, дуэты, тріо), музыкантовъ.

Читать лекціи и дѣлать доклады могъ всякій желающій—въ этомъ отношеніи, какъ и въ дебатахъ предоставляется полная свобода.

Посѣщали вечера люди самыхъ разнообразныхъ профессій и общественныхъ положеній: рабочіе, врачи, учителя, студенты, профессора, учащіеся.

Драматическая труппа и хоръ „Провіти“ устроили 3 вечера въ театрѣ и одинъ (въ память Шевченка) въ городской аудиторіи.

III. Общество открыло свою читальню, въ которой получаютъ 4 украинскихъ журнала, всѣ прогрессивныя украинскія газеты въ Россіи и Галиціи и двѣ украинскихъ газеты изъ Америки. Члены общества пользуются читальней бесплатно, а посторонніе вносятъ 2 коп. за каждое посѣщеніе.

IV. Общество имѣетъ свою научную бібліотеку по литературѣ, исторіи, этнографіи, политической экономіи и юриспруденціи, приобретающую въ количествѣ до 2000 томовъ отъ вдовы извѣстнаго въ г. Одессѣ педагога Смоленскаго.

V. Общество открыло у себя въ помѣщеніи складъ и продажу книжекъ на украинскомъ языкѣ и относящихся къ украинской дѣятели.

VI. Общество организовало продажу украинскихъ книжекъ и газетъ черезъ разнозчика и въ кіоскахъ.

VII. Наконецъ, общество для помощи безработнымъ и голодающимъ организовало сборъ пожертвованій, приче́мъ оказало уже помощь голодающимъ въ Дальникѣ, Усатовѣ, Нербайско́мъ и Сл.-Романовкѣ (пригороды), а также помогло нѣсколькимъ лицамъ въ г. Одессѣ.

Все это уже осуществлено. Но остается и намѣчено сдѣлать гораздо большее и самое трудное. Общество рѣшило открыть съ Сентября свою школу и свою гимназію съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ, для чего намѣченъ рядъ предпріятій, долженствующих доставить необходимыя средства.

Для одного изъ такихъ предпріятій въ общество поступило пожертвованіе разными предметами на сумму свыше 1000 рублей.

Кромѣ того, общество рѣшило заняться издательской дѣятельностью и для начала получило въ свое вѣдѣніе издательское дѣло О. Л. С. (Одеська Літературна Спілка).

Пока при обществѣ издается на украинскомъ языкѣ газета „Вісті“.

Средства общества складываются изъ членскихъ взносовъ и сборовъ со спектаклей, а также изъ 15 коп. взносовъ посѣтителей очередныхъ вечеровъ—по средамъ и субботамъ.

Расходы Общества достигаютъ 156 руб. въ мѣсяцъ, изъ которыхъ 56 р. 25 к. платится за квартиру, 10 р.—сторожу, 30 р.—письмоводителю и бібліотекарю, 15 руб.—хормейстеру и 8 руб.—акомпаніатору.

Общество имѣетъ собственное помѣщеніе (Нѣжинская 44) и всю свою обстановку и мебель.

Такъ какъ лекція могли слушать лишь до 200 человекъ, а остальнымъ, за недостаткомъ помѣщенія, приходилось отказывать, то общество „Просвіта“ съ Сентября перейдетъ въ новое помѣщеніе, въ которомъ залъ будетъ вмѣщать до 350—400 слушателей.

Пройти указанный путь при наличности военного положенія въ городѣ было чрезвычайно трудно. Это положеніе особенно сильно отразилось на выборѣ темъ для лекцій и на содержаніи чтеній, которыя поневолѣ не могли быть столь свободными, какъ это было бы желательно. Одесская „Просвіта“ была первой „Просвітою“ въ Россіи, но засимъ, какъ и надо было ожидать, почти съ такими же уставами открылась „Просвіта“ въ К.-Подольскѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и др. мѣстахъ. Новыя общества, конечно, воспользуются опытомъ своего старѣйшаго товарища и, вѣроятно, поведутъ свое дѣло лучше и усипѣннѣе. Польза такихъ обществъ очевидна, и надо употребить

всѣ силы къ тому, чтобы ими покрылась вся Украина. Гдѣ высоко стоитъ просвѣщеніе, тамъ высоко стоитъ и человѣкъ. Основанныя на демократическихъ и гуманитарныхъ началахъ, „Просвіта“ должны бы сыграть свою значительную просвѣтительную роль въ жизни украинскаго народа и оказать ему существенную помощь въ ростѣ національнаго самосознанія, воспитанія гуманныхъ чувствъ, сознанія своихъ задачъ и стремленій къ гармоническому осуществленію національнаго и общечеловѣческаго благъ.

За болѣе подробными справками рекомендуемъ обращаться по адресу: въ г. Одессу, Украинское Тов. „Просвіта“.

Просвітянинъ.

Украинцы на 3-мъ делегатскомъ Създѣ Всероссійскаго Союза учителей и дѣятелей по народному образованію.

Третій делегатскій създъ Всероссійскаго Союза учителей и дѣятелей по народному образованію, только что окончившійся въ Финляндіи, не только переѣнилъ платформу Союза съ профессионально-политической на профессиональную, но и внесъ очень важныя дополненія въ самый уставъ Союза. Эти дополненія значительно расширили мѣстную самостоятельность группъ, давая имъ возможность внутри Всероссійскаго Союза объединяться въ областныя почти самостоятельно работающія отдѣленія. Кроме того, на създѣ признано желательной организація совершенно автономныхъ національных союзовъ, съ которыми, по § 11, „Всероссійскій Союзъ и его областныя организаціи могутъ вступать въ федеративныя соединенія по постановленію соответствующихъ създовъ“. Эта федеративная форма объединенія была предложена III Създу особымъ національнымъ совѣщаніемъ, организованнымъ національной комиссіей при центральномъ бюро Союза. Организованная по постановленію II делегатскаго Създа В. С. У. (въ декабрѣ 1905 г.), эта комиссія втеченіе полугодя списывалась съ различными національными учительскими организаціями и отдѣльными дѣятелями по національному просвѣщенію и пригласила ихъ на совѣщаніе 4—5 іюня. Тяжелое переживаемое нами время такъ мало способствуетъ какой либо организаціонной работѣ, что многія мѣстности, захваченныя острой революціонной борьбой, не могли отозваться на это приглашеніе (Кавказъ, Прибалтійскій край) и на совѣщаніи участвовали далеко не всѣ уже существующія у разныхъ народностей учительскія организаціи. Всего серіознѣе и отзывчивѣе отнеслись литовцы и украинцы, а также евреи.

Изъ Украинны прїѣхало два представителя отъ Одесскаго общества „Просвѣта“ и два учителя делегированные прямо съ только что организовавашаго Украинскаго Союза учителей и дѣятелей по народному образованію, имѣвшаго свой первый учредительскій съѣздъ въ Кіевѣ въ самыхъ послѣднихъ числахъ Мая. Кромѣ Литовцевъ и украинцевъ участвовали евреи (4 человекъ), поляки (2), молдаване (2), 1 финнъ, 1 эстъ, 1 латышь, 1 бѣлорусъ, 2 татарина, 1 русскій изъ мѣстности, населенной корелами и сообщившій о ихъ печальномъ положеніи, 1 нѣмецъ изъ колоніи Саратовской губерніи. Всѣ сошлись въ одномъ страстномъ желаніи какъ можно скорѣе освободить угнетаемые народы отъ обрусительнаго извращенія національнаго облика, дать каждой націи свою національную школу, широкое просвѣщеніе на родномъ языкѣ. Мѣстныя сообщенія открыли пѣлый рядъ совершенно тождественныхъ актовъ централистической бюрократіи, старавшейся изъ подъ налки вынуждать всѣ націи забывать все свое родное и перенимать безъ сознанія чужія слова, чужой способъ мышленія. Украинцы представили обширную записку о томъ, какъ стояло просвѣщеніе въ Украинѣ до ея присоединенія къ Москвѣ, и на что свелось оно подъ давленіемъ обрусенія. Не менѣе яркія картины національнаго подавленія нарисовали представители Молдаванъ, у которыхъ были отняты и родная рѣчь и письмо. И только теперь начинается пробуждаться національное чувство своего права на жизнь, когда въ Кишиневѣ, на базарѣ появились первые нумера первой молдаванской газеты *Bessarabia*, люди цѣловались и плакали отъ радости, видя и слыша родную рѣчь въ газетѣ. Литва уже борется за свою школу, и для нее это не педагогическій, а политическій вопросъ. Всѣ сходились въ желаніи спасти свою школу и свой народъ отъ централистическаго обрусенія. Лучшимъ орудіемъ въ этой борьбѣ является организація національныхъ союзовъ учителей вокругъ національной школы. Самымъ роковымъ результатомъ обрусительной политики централистическаго московскаго правительства явилось почти полное отсутствіе сознательной національной интеллигенціи въ Украинѣ, и этотъ результатъ особенно далъ себя знать въ послѣднее революціонное время. Недостатокъ интеллигентовъ украинцевъ вызывалъ необходимость пользоваться услугами чужихъ людей—великоросовъ, которые наводнили Украину и агитировали среди крестьянъ, не считаясь ни съ языкомъ, ни съ аграрными и политическими особенностями народа. Вѣрный своей традиціи борьбы, чуткій болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи къ аграрному вопросу, украинскій народъ представляетъ благодарную среду для пропаганды освободительныхъ идей. Но какъ мало было

людей, которые обращались бы къ украинцамъ на ихъ родномъ языкѣ, а не на языкѣ притѣснителя. Конечно, слова „земля и воля“ достаточно понятны слушателямъ, и великорусамъ и украинцамъ. Но чуть коснется дѣло, до конкретнаго воплощенія этихъ лозунговъ, потребуется точная формулировка народныхъ требованій и языкъ вѣкового притѣснителя Украины наврядъ ли передастъ намъ ясно и точно всю ту „волю“, понятіе о которой лежитъ въ самой глубинѣ сознанія народной массы. Кому же легче уловить и сформулировать эти народныя требованія какъ не народному учителю? Но неужели самые лучшіе учителя, понимающіе свое положеніе въ народной массѣ, не согласятся что нельзя демократическіе идеалы подносить народу на языкѣ того привилегированнаго сословія, которое всей жизнью своей противорѣчатъ всѣмъ тѣмъ элементарнымъ требованіямъ правды, которую каждый народъ теперь кладетъ въ основу новаго строя жизни? Конечно, мы, интеллигенты, развиваемся не только тѣми книгами, которыя писаны на нашемъ родномъ языкѣ но и на французскомъ и на нѣмецкомъ, и др.; и все же рѣдко кто изъ насъ добровольно возьмется за иностранный языкъ, когда ему нужно будетъ высказать въ полной цѣльности свое міросозерцаніе, высказать то чувство, которое живетъ въ самой глубинѣ душъ, составлять его духовную святыню. Не то же ли съ народомъ!

А между тѣмъ народныя учителя и дѣятели на Украинѣ, повидимому, это совершенно забываютъ. На III делегатскомъ съѣздѣ учителей изъ украинскихъ губерній было около 30 делегатовъ: изъ Екатеринославской губ. 9 человекъ, изъ Полтавской—3, Черниговской—3, Екатеринодара—3, южной части Курской—1, Одессы—3, Холмицны—1, Подоліи—1, изъ Ставропольской—4. Всѣ они обрисовали широкое народное движеніе, охватившее весь Югъ Россіи, рассказывали о страшномъ разгромѣ учительства и о тѣхъ великихъ жертвахъ, какія оно понесло въ этой борьбѣ.

Съѣздъ привѣтствовалъ ихъ сообщенія громкими привѣтственными аплодисментами. Но во всѣхъ ихъ сообщеніяхъ не было ни намёка на національныя нужды того народа, учителями котораго они себя называютъ, ни одного указанія на ту опасность, которая грозитъ всему нравственному достоинству народа, которому даже освободительное движеніе не приноситъ національной свободы. Учителя-украинцы, затерянные на съѣздѣ среди подавляющаго большинства великороссовъ, какъ будто стыдились и признать себя обособленными представителями другого народа, иной, совершенно опредѣленной націи. Однѣ полтавецъ даже не рѣшился передать одни очень интересные стихи полтавскаго старика-крестьянина на его родномъ языкѣ

и перевелъ это непосредственное творчество украинца на господствующій языкъ, благодаря чему получилось нѣчто совершенно непонятное ни для украинца, ни для великоросса, и только своимъ революціоннымъ остроуміемъ, имѣвшее большой успѣхъ. Только частными разговорами и небольшими групповыми совѣщаніями удавалось вызвать въ делегатахъ украинскаго учительства сознание грѣха, какой они совершаютъ передъ украинскимъ народомъ, продолжая и въ роли освободителей ту же обрусительную тактику, какой держалось централистическое російское правительство. Многіе въ концѣ съѣзда встрѣчали гораздо сочувственнѣе заявленія объ украинской автономіи и о правахъ украинцевъ, какъ націи, чѣмъ вначалѣ, непосредственно пріѣхавъ изъ среды того самаго украинскаго народа, для счастья котораго они готовы жертвовать жизнью. Поддержать это сознаніе національныхъ обязанностей украинскаго учительства лучше всего могъ бы молодой кіевскій учительскій союзъ, который долженъ объединить вокругъ себя учителей, работающихъ среди украинцевъ, а, слѣдовательно, и борющихся за національную школу.

Вообще сама жизнь выдвинула на III делегатскомъ учительскомъ съѣздѣ вопросы національной свободы и внесла ихъ въ требованія резолюціи, выясняющей ту политическую тактику, какой Всер. Учит. Союзъ продолжаетъ держаться, несмотря на перемѣну своей платформы съ политическо-профессіональной на просто професіональную. Въ этой резолюціи прямо говорится, что Всер. Учит. Союзъ въ настоящій революціонный моментъ будетъ бороться за переходъ всей земли, воли и власти въ руки народа и за широкую автономію всѣхъ народовъ. На этомъ лозунгѣ сходились и представители партій—соціалистовъ-революціонеровъ и украинской радикально-демократической, сходились и отдѣльные представители народностей — эсты, литовцы, украинцы, молдаване, евреи и финны, живущіе въ предѣлахъ Россійскаго государства. Отъ этихъ послѣднихъ поступило даже особое заявленіе III-ему делегатскому съѣзду съ просьбою заявить въ печати протестъ противъ обрусительной политики С.-Петербургскаго уѣзднаго земства среди финскаго населенія уѣзда, посредствомъ начальной народной школы, и о желательности, чтобы въ школахъ съ преобладающимъ финскимъ большинствомъ учащихся преподавателями были только учителя, могущіе вести преподаваніе на финскомъ языкѣ.

Выяснившееся на съѣздѣ сочувствіе необходимости болѣе автономной организаціи учительства по областямъ и по національностямъ выразилось измѣненіемъ нѣсколькихъ §§ устава Всер. Союза учите-

лей и дѣятелей по народн. образованію, расширена самостоятельность областныхъ отдѣловъ внутри самого Всероссийскаго Союза и принята безъ измѣненія выработанная на предварительномъ совѣщаніи представителей учителяства разныхъ націй формулировка федеративнаго объединенія разныхъ учительскихъ союзовъ—національных, областныхъ и т. п. Окончательная выработка разныхъ типовъ національно-учительскихъ организацій и ихъ федеративное объединеніе поручена особому совѣщательному съѣзду въ Кіевѣ въ концѣ декабря мѣсяца.

Къ федеративному соединенію съ Украинскимъ Союзомъ учителей и дѣятелей по народному образованію особенно склонны учителя Литовскаго Союза. Польскій Союзъ учителей только на федеративномъ началѣ, при соблюденіи полной автономіи отдѣльныхъ союзовъ, считаетъ возможнымъ соединиться съ Всероссийскимъ Союзомъ.

Такимъ образомъ III Делегатскій Съездъ учителей первый провозгласилъ автономно-федеративное начало, какъ самую жизненную форму общественныхъ организацій; сохраняя за каждой отдѣльной общественной единицей полную свободу и самостоятельность инициативы, эта форма въ то же самое время въ каждую данную минуту представляетъ одно громадное организованное цѣлое—учительство всѣхъ націй и областей нашего великаго отчества—объединеннаго вокругъ одного святого лозунга: свободной школы у свободныхъ народовъ.

С. Русова.

Иніціати́ва украї́нських депутатів.

На днях члени трудової групи, по ініціативі української фракції, вносять в Государственную Думу слѣдующее заявленіе:

„Югъ Россіи, преимущественно Украина, в самое послѣднее время охватывается массовыми стачками сельскихъ рабочихъ, вызванными невыразимо тяжелыми условіями, в которыхъ поставлены эти рабочіе. Стачки сельскихъ рабочихъ, какъ доподлинно извѣстно, возникаютъ исключительно на экономической почвѣ. Тяжелая лѣтняя работа нерѣдко оплачивается для мужчинъ 30—40 коп., а для женщинъ—20—25 к., 16—18 рабочихъ часовъ. Жилыя помѣщенія для сельскихъ рабочихъ часто хуже скотныхъ хлѣвовъ. Пища нездоровая, недоброчувственная. Медицинская помощь отсутствуетъ. Обращеніе съ рабочими жестокое, вплоть до побоевъ. Надъ рабочими глумятся и издѣваются въ особенности надъ женщинами и дѣвушками. Сельскій рабочій у насъ находится почти въ рабскомъ положеніи. Всѣмъ извѣстенъ обоеднѣй всю прессу чудовищный фактъ работы людей съ намордниками въ помѣстьѣ одного изъ именитыхъ русскихъ князей. Наканунѣ 1-го засѣданія Государственной Думы, 26 апрѣля, былъ опубликованъ новый законъ подъ наименованіемъ: „По проекту правилъ противъ возникновенія стачекъ среди сельскихъ рабочихъ“. Законъ этотъ изданъ вопреки торжественному обѣщанію манифеста 17 октября, чтобы „никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы“ и имѣть свою цѣлью отнять у сельскихъ рабочихъ единственно дѣйствительное мирное средство борьбы противъ невѣроятнаго угнетенія и ничѣмъ неограниченной эксплоатаціи труда со стороны работодателей — сельскихъ хозяевъ. Законъ о стачкахъ устанавливаетъ чрезвычайно тяжелыя наказанія для рабочихъ за участіе въ стачкахъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда прекращеніе работы происходитъ безъ какихъ-либо съ ихъ стороны насильственныхъ актовъ, а когда имѣеть мѣсто про-

стое нарушение гражданскаго договора. Не только принужденіе къ прекращенію работы наказуется по новому закону тюрьмой до 1 года, но и отлученіе отъ общенія, т. е. достаточно перестать разговаривать съ кѣмъ-либо изъ рабочихъ, кто стоитъ противъ стачекъ, чтобы виновнику отлученія попасть на 1 годъ въ тюрьму. „Вторженіе“ въ огороженное мѣсто, хотя бы оно не сопровождалось насиліемъ надъ личностью, наказуется заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ 4 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ. При дѣйствіи новаго закона, для администраціи и особенно для полиціи, стоявшихъ естественно на стражѣ интересовъ работодателей и готовыхъ во всемъ видѣть „бунтъ“ и неповиновеніе, является полная возможность всякую мирную попытку сельскихъ рабочихъ, направленную къ улучшенію своего положенія, или къ повышенію заработной платы, превратить въ преступленія съ угрозами и подстрекательствомъ, переводя все это на политическую почву. Если принять во вниманіе, что крестьянство въ огромной своей массѣ является и временными сельскими рабочими, что во многихъ мѣстахъ Россіи, особенно на югѣ и на западѣ, существуетъ многочисленный классъ сельскихъ рабочихъ батраковъ, совсѣмъ не ведущихъ своего хозяйства, то необходимо признать, что новымъ закономъ нарушены интересы не тысячи, а миллионы людей; эти люди закономъ отданы въ полное распоряженіе крупнымъ и среднимъ помѣщикамъ-хозяевамъ и мѣстной полиціи. Принимая во вниманіе, что теперь наступаетъ наиболѣе тяжелое, страдное время для сельскихъ рабочихъ, а, слѣдовательно, наиболѣе благодатная почва для примѣненія новаго закона во всей его жестокости, члены трудовой группы, предлагаютъ Государственной Думѣ въ порядкѣ неотложности рассмотреть вопросъ объ отмѣнѣ закона: „По проекту правилъ противъ возникновенія стачекъ среди сельскихъ рабочихъ“, причемъ члены трудовой группы полагаютъ, что отмѣна закона противъ стачекъ сельскихъ рабочихъ можетъ послѣдовать независимо отъ того, когда будетъ выработанъ и войдетъ въ дѣйствіе законъ о свободѣ стачекъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что и безъ особаго закона противъ стачекъ существующіе законы вполне достаточно ограждаютъ интересы сельскихъ хозяевъ-работодателей“.

Къ этому заявленію почти нечего прибавить. Въ яркой и опредѣленной и вмѣстѣ съ тѣмъ въ типично-корректной парламентской формѣ украинскіе депутаты подняли вопросъ самой жгучей, самой злободневной современности для пославшихъ ихъ въ Гос. Думу миллионы украинскіхъ земледѣльцевъ. Одновременно съ тѣмъ не упущена изъ вида и общая постановка вопроса. Отмѣна Гос. Думой „закона“ о сельскохозяйственныхъ стачкахъ будетъ благомъ

не только для украинскаго крестьянства, но и для крестьянъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію. Законъ, направленный къ явному покровительству сплныхъ и къ угнетенію слабыхъ, изданный къ тому же неправильнымъ путемъ, не можетъ оставаться даже временно оружіемъ въ рукахъ людей, у которыхъ и безъ того слишкомъ много оружія. Отмѣна этого „закона“, не остановитъ, конечно, блистательныхъ набѣговъ уѣздныхъ и губерскихъ чиновъ на трудовую крестьянскую массу, но она еще разъ наглядно и ярко подчеркнетъ все беззаконіе „вахмистровъ и городовыхъ по воспитанію и погромщиковъ по убѣжденію“, во власти которыхъ доннынѣ находится вся необозримая несчастная страна. Отмѣной этого „закона“ Гос. Дума прибавитъ еще одно крѣпкое звено къ той цѣпи, которая закрѣпляетъ за нею трудовыя массы народовъ Россіи. А съ поддержкой этихъ массъ побѣда вѣтъ сомнѣній.

Ukrainische Rundschau

Украинскій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ, выходитъ въ Вѣнѣ книжками въ 40 стр. in 8°, стоитъ на годъ 3 руб. съ пересылкою.

Ukrainische Rundschau ставитъ себѣ задачу ознакомленіе Европы съ украинскимъ вопросомъ и защиту соответствующихъ правъ украинскаго народа на его родной землѣ по обѣимъ сторонамъ границы: въ Россіи и въ Австро-Венгріи.

Ukrainische Rundschau будетъ помѣщать публицистическія статьи политическаго, соціального, историческаго, литературнаго и экономическаго содержанія; обзоръ общественной и политической жизни на всей территоріи, заселенной украинскимъ народомъ.

Адресъ редакціи: **Ukrainische Rundschau** Wien XVII, Frauenfelderstrasse, 2.

Издатель: членъ австр. парламента **В. Яворскій**.

Редакторъ: **В. Кушниръ**.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

политическую и общественно-литературную газету

„ПОДОЛЬСКИЙ КРАЙ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки: на годъ—6 р., на полгода—3 р. 50 к.,
на три мѣсяца—2 р. и на одинъ мѣсяць 75 к.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на три
мѣсяца—2 р. 40 к. и на одинъ мѣсяць 85 к.

Со дня выхода газеты до конца года подписная плата—5 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

Подписка принимается съ 1-го и 15-го числа каждого
мѣсяца.

ТАКСА НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

за занимаемое строчкой места позади текста—5 к., впе-
реди текста—10 коп.—При абонементныхъ объявленіяхъ дѣлается
соотвѣтственная уступка. Предложеніе и спросъ труда—3 коп.
за строчку или 15 коп. за объявленіе.

По новым правилам про прессу мають свободний вхід
до Росії:

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСНИК

місячник літератури, науки й суспільного життя, IX рік видання, виходить
у Львові під редакцією М. Грушевського, В. Гнатюка і І. Франка
книжками 12—15 арк. Річна передплата для Росії 8 руб. (можна
платити частинами), піврічна 5 руб., поодинокі книжки 1 р.

ЗАПИСКИ НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА ІМ. ШЕВЧЕНКА

український науковий журнал, під редакцією М. Грушевського, XV рік,
виходить що два місяці книжками по 15 аркушів. Передплата в
Росії 6 руб. на рік, поодинокі книжки 1 р. 50 коп.

Посилати на адресу: Львів (Lemberg), Австрія, ул. Чарнецького, 26,
Літ.-Наук. Вісник (Anzeiger für Literatur und Wissenschaft), або
Наук. тов. ім. Шевченка (Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften)
або Київ, Безаковская 14, книгарня Київ. Старини.

Въ непродолжительномъ времени будетъ выходить въ свѣтъ **Библиотека Украинскаго Вѣстника**, состоящая изъ брошюръ и книгъ, посвященныхъ украинскому вопросу въ Россіи и въ Австріи и національнымъ и общественнымъ вопросамъ вообще.

№ 1 Библиотеки составитъ брошюра проф. **М. С. Грушевскаго „Національный вопросъ и автономія“**.

Содержаніе № 1 „Украинскаго Вѣстника“:

Задачи „Украинскаго Вѣстника“.—Проф. **М. Грушевскій**. Національный вопросъ и автономія.—Проф. **Овсяннико-Куликовскій**. Что такое національность?—Проф. **Бодуэнь-де-Куртенз**. По вопросу объ автономіи и равноправіи національностей.—**М. Славинскій**. Имперія народовъ.—Проф. **М. Грушевскій**. Позорной памяти...—**А. Г. Соціалъ-демократія и украинскій вопросъ**.—**С. Русова**. Украинскій вѣстникъ.—**П. С.** Украинская пресса.—**Spectator**. На пути освобожденія.—**Замѣтки: П. С.** Два памятника Шевченку.—**А. Лотоцкій**. Слово Божіе подъ спудомъ.—**И. Шрагъ**. О союзѣ автономистовъ.—**Вилоусенко**. Украинскій парламентскій клубъ.

Содержаніе № 2 „Украинскаго Вѣстника“:

Проф. **М. Грушевскій**. Вопросъ дня.—Проф. **Д. Овсяннико-Куликовскій**. Что такое національность? П.—**А. Лотоцкій**. Шаблонъ и жизнь.—**Н. Соколовъ**. Украина въ государственномъ бюджетѣ Россіи.—Проф. **М. Грушевскій**. Украинскій Пьемонтъ.—**М. Могилянскій**. Изъ крестьянскихъ настроеній на Украинѣ.—**С. Русова**. Современныя школьныя нужды на Украинѣ.—**Spectator**. На Украинѣ.—**Замѣтки**.—**Объявленія**.

Содержаніе № 3 „Украинскаго Вѣстника“:

Проф. **М. Грушевскій**. Единство или распаденіе?—**А. Г. Голоса** объ автономіи.—**В. Доманицкій**. Два момента.—**М. Могилянскій**. Аграрные процессы на Украинѣ.—**Ив. Франко**. Австрійскій кризисъ.—**Д. Д.** Украинская пресса.—**Spectator**. На Украинѣ.—**Библиографія**.—**Объявленія**.

Содержаніе № 4. „Украинскаго вѣстника“:

Проф. **М. Грушевскій**. О зрѣлости и незрѣлости.—**М. Могилянскій**. Памяти **М. Драгоманова**.—**М. Туганъ-Барановскій**. Націонализація земли и выкупъ.—**А. Русовъ**. Нѣсколько словъ о территоріи и населеніи Украины.—Украинскіе депутаты о земельной реформѣ.—1) Рѣчь **В. Шемета** въ гос. Думѣ. 2) Мнѣніе **Т. Зуоченна**.—**Spectator**. На Украинѣ.—**Д. Дорошенко**. Украинская трибуна въ Европѣ.—**П. С.** Тарифное подоумѣніе.—**Объявленія**.—**Приложеніе**: Карта разселенія украинскаго народа, сост. **А. Русовымъ**.